

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№5(112)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2026

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

*Сборник статей по материалам СХII международной
научно-практической конференции*

№ 5 (112)
Май 2026 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2026

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

Н34

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, главный редактор журнала «Universum: филология и искусствоведение» РФ, г. Москва.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, РФ, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, НИУ Высшая школа экономики, РФ, г. Москва;

Попова Ирина Викторовна – доктор социологических наук, профессор, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, РФ, г. Кострома.

Н34 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам СХП междунар. науч.-практ. конф. – № 5 (112). – М.: Изд. «МЦНО», 2026. – 112 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2026

Оглавление

Статьи на русском языке **6**

Раздел 1. История и археология

1.1. Отечественная история

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ:
ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пичкалёва Ксения Сергеевна

Раздел 2. Социология **11**

2.1. Социальная структура, социальные институты и процессы

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ И БОГАТСТВА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Семенова Анастасия Алановна

Фалеева Кристина Дмитриевна

Галка Надежда Анатольевна

2.2. Социология культуры **17**

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
МОЛОДЕЖИ

Сумарно Лхотсе

2.3. Социология управления **21**

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА
КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ
УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ ПРОМЫШЛЕННЫМ
ПРЕДПРИЯТИЕМ

Дормушев Мирослав Антонович

2.4. Экономическая социология и демография **27**

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ
КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Галка Надежда Анатольевна

Катасонова Дарья Сергеевна

Раздел 3. Философия	33
3.1. Социальная философия	
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН Абдурахмонов Мухиддин Шамсиевич	
Раздел 4. Юриспруденция	38
4.1. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	
ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА, СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ИМУЩЕСТВЕННЫМ ПРАВАМ КРЕДИТОРОВ Бакаев Иван Андреевич	
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ Степанычева Ксения Александровна	44
СУБЪЕКТИВНАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В НОРМАХ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ Суриков Михаил Анатольевич	52
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ АВТОРСТВА НА МЕДИАТЕКСТЫ, СОЗДАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА Хисматуллина Юлия Ринатовна	60
4.2. Корпоративное право; энергетическое право	67
РЕШЕНИЕ СИТУАЦИИ ДЕДЛОКА В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ Малыгин Антон Алексеевич Терентьев Алексей Викторович	

4.3. Международное право	76
<p>АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ, ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР И МЕР ДОБРОВОЛЬНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛИ НЕФТЕДОБЫЧИ) Захаров Александр Викторович</p>	
4.4. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право	83
<p>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ПРОИЗВОДСТВОМ И СБЫТОМ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ Ле Дык Минь</p>	
<p>ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИПФЕЙКОВ (СТ. 159, 137, 128.1 УК РФ) Родыгина Арина Романовна Морозов Максим Валерьевич</p>	
<p>ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ Сигида Ксения Сергеевна Зобнина Юлия Сергеевна Убушиева Арина Олеговна</p>	
Статьи на английском языке	104
1.1. Международное право	
<p>THESIS ON JURISDICTIONAL AND PROCEDURAL CHALLENGES IN INVESTOR-STATE DISPUTE SETTLEMENT Dildorabegim Kholikova Nodirbekovna</p>	

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пичкалёва Ксения Сергеевна

секретарь,

Муниципальное автономное

общеобразовательное учреждение

«Средняя общеобразовательная школа № 1»,

РФ, г. Первоуральск

FORMATION OF OBJECTIVE HISTORICAL CONSCIOUSNESS AMONG SCHOOLCHILDREN: OVERCOMING MISCONCEPTIONS ON THE EXAMPLE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Pichkalyova Ksenia Sergeevna

Secretary,

Municipal Autonomous Educational

Institution Secondary School 1,

Russia, Pervouralsk

Аннотация. В статье рассматриваются распространенные заблуждения о Великой Отечественной войне, присутствующие в сознании современных школьников. Анализируются причины их возникновения и распространения, а также предлагаются педагогические методы и стратегии для формирования объективного исторического сознания у учащихся. Особое внимание уделяется роли критического мышления и работы с историческими источниками.

Abstract. The article examines the widespread misconceptions about the Great Patriotic War that are present in the minds of modern schoolchildren. The reasons for their occurrence and spread are analyzed, as well as pedagogical methods and strategies for the formation of objective historical consciousness among students are proposed. Special attention is paid to the role of critical thinking and working with historical sources.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, фальсификация истории, историческое образование, школьники.

Keywords: The Great Patriotic War, historical memory, falsification of history, historical education, pupils.

Сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне – важнейшая задача современного образования. Однако в сознании школьников нередко присутствуют искаженные представления и заблуждения о событиях 1941 – 1945 гг.

В апреле 2026 года на базе общеобразовательной школы был проведен опрос среди обучающихся третьих и четвертых классов, который содержал вопросы о Великой Отечественной войне (ВОВ) и Дне Победы. В эксперименте приняли участие 10 третьеклассников и 10 четвероклассников, 10 семиклассников. У 60 % обучающихся начальной школы (3-4 классы, всего 12 человек) отмечены: незнание, в какие годы была ВОВ, фокус на текущих событиях в мире, смешение понятий ВОВ и СВО, отсутствие понимания значения праздника День Победы. У 50 % семиклассников выявлено отсутствие знаний о ключевых датах Великой Отечественной войны. Предполагаем, что выявленные результаты обусловлены влиянием массовой культуры, интернет-контента, семьи. Следовательно, необходимо повышение качества работы по формированию объективных исторических знаний с уровня начального общего образования, разработка педагогических стратегий учителям для преодоления неправильного формирования образов о Великой Отечественной войне в сознании подрастающего поколения.

Цель статьи – выявить основные заблуждения и предложить

эффективные педагогические стратегии их преодоления.

Анализ литературы, а также опросов школьников позволяют выделить *наиболее распространенные искажения*:

1. Искажения масштаба вклада СССР заключаются в преуменьшении роли советского народа в разгроме нацизма.

2. Заблуждения о тыле и экономике заключаются в недооценке героизма тружеников тыла и упрощенном представлении о производстве вооружений без учета эвакуации заводов.

3. Искажение статистики происходит при распространении произвольных цифр потерь без ссылок на архивы, использовании неподтвержденных данных из сомнительных источников.

Существуют *ключевые факторы распространения некорректной информации*. Перечислим их:

– доступность непроверенной информации в интернете (в мессенджерах, электронных приложениях и т. п.);

– влияние художественных фильмов, сериалов и видеороликов с историческими неточностями;

– пробелы в семейном историческом просвещении;

– недостаточное развитие навыков критического анализа у школьников.

Отметим значимую роль семьи в формировании ключевых исторических образов. Например, семья в ходе бесед с ребенком формирует представления о том, что его прадедушка воевал на ВОВ, рассказывает об этом историческом периоде, влияет на сознание и личностные качества ребенка.

Педагоги по долгу своей профессии не должны искажать исторические факты. С этим соглашаются многие исследователи, в т. ч. Е. Е. Вяземский [1, с. 34].

Ранее описанные факторы распространения некорректной информации наталкивают на разработку *педагогических стратегий* преодоления неправильного формирования образов о Великой Отечественной войне в сознании подрастающего поколения.

1. *Формирование критического мышления* должно осуществляться через:

– обучение различию фактов, интерпретаций и мнений;

– разбор типичных приемов фальсификации (выборочное цитирование, подмена понятий);

– сравнение версий из разных источников.

2. *Работа с историческими источниками* предполагает:

– анализ документов эпохи (приказы, сводки, письма);

– сопоставление данных из архивов, мемуаров и статистики;

- изучение фото– и кинохроники с проверкой атрибуции.
 - 3. Допустимы *интерактивные методы* обучения. Перечислим:
 - дебаты по спорным вопросам с опорой на источники;
 - ролевые игры («историческая экспертиза»);
 - проекты по проверке популярных утверждений;
 - проект «Лучший плакат» на историческую тему среди обучающихся параллели.
 - 4. *Краеведческий подход* может быть реализован через:
 - исследование местных архивов и семейных историй;
 - создание школьных экспозиций о земляках-фронтовиках;
 - интервьюирование ветеранов и тружеников тыла, их сыновей и дочерей.
 - 5. Необходимы *междисциплинарные связи*.
 - Связь литературы, художественного искусства, кинематографа, истории прослеживается при анализе исторических событий и художественных произведений.
 - Допустимо изучение военной техники на уроках физики и технологии, кружках, факультативах.
 - Во внеурочной деятельности можно проводить работу с картами и изучать географию боевых действий.
 - 6. Существуют *цифровые инструменты*, которые позволяют проиллюстрировать историческую информацию:
 - виртуальные экскурсии по музеям ВОВ;
 - интерактивные карты сражений с проверкой данных;
 - онлайн-архивы документов (например, «Память народа»).
 - 7. Уместны *воспитательные практики*:
 - участие в акциях памяти («Бессмертный полк», «Свеча памяти»);
 - волонтерская помощь ветеранам;
 - тематические классные часы с приглашением историков.
- Сформулируем *практические рекомендации для учителей*.
1. На каждом уроке, затрагивающем тему войны, выделять 5-7 минут на разбор одного распространенного заблуждения с доказательной базой.
 2. Создавать «банк источников» – подборку проверенных документов, фотографий, видео для использования на уроках.
 3. Организовывать мини-исследования: «Проверяем утверждение из сети Интернет» (сравнение данных из 2-3 надежных источников).
 4. Включать в домашние задания работу с семейными архивами (письма, фотографии, награды), с изучением роли родного края в

Великой Победе.

Таким образом, преодоление распространения ложной информации, заблуждений о Великой Отечественной войне требует системного подхода, сочетающего:

- углубленное изучение источников;
- развитие критического мышления;
- эмоциональную вовлеченность через краеведческую и воспитательную работу;
- использование комплексного подхода с обязательным учетом воспитательной роли семьи.

Предложенные нами педагогические стратегии не только формируют объективные исторические знания, но и способствуют воспитанию гражданской идентичности, уважения к подвигу народа и ответственности за сохранение исторической правды.

Список литературы:

1. Вяземский Е. Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. – Москва, 2012. № 1.

РАЗДЕЛ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ И БОГАТСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Семенова Анастасия Алановна

*студент 4 курса, экономического факультета,
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I,
РФ, г. Воронеж*

Фалеева Кристина Дмитриевна

*студент 4 курса, экономического факультета,
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I,
РФ, г. Воронеж*

Галка Надежда Анатольевна

*научный руководитель, доц., канд. полит. наук,
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I,
РФ, г. Воронеж*

THE PROBLEM OF POVERTY AND WEALTH IN THE MODERN WORLD

Semenova Anastasia Alanovna

*4th-year student, Faculty of Economics,
Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I,
Russia, Voronezh*

Faleeva Kristina Dmitrievna

*4th-year student,
Faculty of Economics, Voronezh State Agrarian
University named after Emperor Peter I,
Russia, Voronezh*

Galka Nadezhda Anatolyevna

*Academic Supervisor,
Associate Professor,
Candidate of Political Sciences,
Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I,
Russia, Voronezh*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию основных проявлений социально-экономической поляризации в XXI веке. В ней анализируются географические диспропорции между развитыми и развивающимися странами, особенности сельской бедности в контексте глобальной продовольственной безопасности, изменения в механизмах накопления капитала в постиндустриальную эпоху, а также предлагаются пути снижения социального неравенства.

Abstract. This article is dedicated to the study of the main manifestations of socio-economic polarization in the 21st century. It analyzes geographical disparities between developed and developing countries, the specifics of rural poverty in the context of global food security, changes in capital accumulation mechanisms in the post-industrial era, and also proposes ways to reduce social inequality.

Ключевые слова: социальное неравенство, бедность, богатство, стратификация, глобальный разрыв, золотой миллиард, сельская бедность, социальные лифты, безусловный базовый доход, технологическая трансформация, аграрный сектор.

Keywords: social inequality, poverty, wealth, stratification, global gap, golden billion, rural poverty, social mobility, universal basic income, technological transformation, agricultural sector.

Проблема социального расслоения и сопутствующей ему дифференциации доходов населения сохраняет свою актуальность как одна из наиболее значимых и комплексных дилемм современного глобального развития. Несмотря на существенные достижения в сфере технологического прогресса, медицины и увеличения совокупного мирового

продукта, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению разрыва между наиболее обеспеченными и наименее защищенными группами населения. Данная динамика фиксируется как на макроуровне межгосударственных сопоставлений, так и на микроуровне внутри национальных экономических систем.

Прежде всего, необходимо проанализировать проблему с точки зрения глобальной экономики и географии. В современной социологии часто упоминается концепция "золотого миллиарда" – населения наиболее развитых стран. Несмотря на их относительно небольшую численность, эти государства доминируют в мировых финансовых потоках, технологических инновациях и потреблении ресурсов. Данные Всемирного банка и МВФ наглядно демонстрируют колоссальное экономическое неравенство: ВВП на душу населения в странах ОЭСР значительно выше, чем в регионах Африки южнее Сахары или Южной Азии. Причина этого разрыва кроется не столько в природных ресурсах или климате, сколько в исторически сложившейся структуре мировой экономики. Она закрепляет за развивающимися странами роль поставщиков сырья и дешевой рабочей силы, тогда как основная добавленная стоимость и прибыль концентрируются в развитых государствах. Сложившиеся экономические отношения формируют прочную зависимость неокOLONиального типа, из-за чего борьба с бедностью во многих регионах мира становится невыполнимой задачей без кардинальной трансформации международных финансовых и торговых механизмов.

Следует отметить, что бедность не исчерпывается безработицей – особое положение, в которое попадают даже люди с постоянным заработком. Глобальная практика подтверждает: наиболее высокий уровень малообеспеченности фиксируется в аграрных зонах, что порождает феномен «работающих бедняков».

В ряде развивающихся и постсоциалистических государств крестьяне и небольшие хозяйства, несмотря на интенсивную трудовую деятельность, не способны воспроизводить свою рабочую силу даже на минимальном уровне. Истоки данной ситуации находятся в системных провалах: контроле крупных корпораций над каналами сбыта, которые диктуют заниженные закупочные цены; затруднённом получении финансовых ресурсов для технического обновления и повышения продуктивности; высокой подверженности колебаниям мировых цен на продукты питания. В итоге аграрное обнищание выступает не просто случайным отклонением, а глубинным изъяном современной сельскохозяйственной экономики, который ведёт к деградации сельских сообществ и ставит под угрозу продовольственное обеспечение

Современное понимание богатства претерпело качественные

изменения по сравнению с индустриальной эпохой. Если ранее накопление капитала ассоциировалось преимущественно с владением средствами производства, природными ресурсами и недвижимостью, то в постиндустриальной реальности ключевыми активами становятся данные, алгоритмы и контроль над цифровой инфраструктурой. Крупнейшие состояния формируются не столько за счет выпуска физической продукции, сколько посредством создания платформенных решений, объединяющих миллиарды пользователей и извлекающих прибыль из самого процесса социального взаимодействия. Подобное смещение акцентов привело к беспрецедентной концентрации финансовых ресурсов. Согласно данным, публикуемым в докладах World Inequality Report, незначительная доля процента населения планеты контролирует объем средств, сопоставимый с совокупным состоянием крупных регионов мира. Данное неравенство порождает существенные социальные деформации. Наличие сверхдоходов у узкой группы лиц оказывает колоссальное давление на рынки недвижимости глобальных мегаполисов, делая жилье недоступным для среднего класса и способствуя формированию прекариата даже в среде высокообразованных специалистов. Финансовая мощь подобного масштаба неизбежно трансформируется в политическое влияние, позволяя корректировать налоговую политику через разветвленную систему офшорных юрисдикций и лоббистских механизмов.

Экономический рост и внедрение новых технологий пока не способствуют уменьшению социальных различий, а наоборот, социальная структура становится более четко выраженной. Значительный разрыв между богатыми и бедными побуждает искать способы, которые хотя бы частично смогут снизить это напряжение. Полного равенства, скорее всего, достичь невозможно, да и сама такая цель вряд ли была бы полезной, поскольку она устраняет мотивацию к труду и развитию. Вместе с тем поддержание общественной стабильности и предотвращение маргинализации больших групп населения – задача, требующая немедленного решения. Социальные механизмы, сформировавшиеся в прошлом веке, остаются актуальными. К ним относятся прогрессивное налогообложение, доступное здравоохранение и, особенно важное для сельских районов, качественное образование. Без этих основ выбраться из бедности практически невозможно.

В российской практике инструментом, заслуживающим отдельного внимания, являются социальные контракты, ориентированные на развитие личного подсобного хозяйства или малого агробизнеса. Даже относительно небольшая государственная субсидия, направленная на приобретение продуктивного скота, тепличных конструкций или

кормовой базы, способна обеспечить семье точку опоры для выхода из затяжного кризисного состояния.

Вместе с тем ограничение исключительно инструментарием прошлого века в условиях стремительной роботизации и цифровизации представляется стратегической ошибкой. Особую остроту данный вызов приобретает в аграрном секторе. Современные агрохолдинги, оснащенные системами спутниковой навигации, беспилотной техникой и технологиями точного земледелия, нуждаются в значительно меньшем количестве работников, чем это наблюдалось поколение назад. Высвобождающаяся с рынка труда сельская рабочая сила далеко не всегда располагает возможностями для альтернативной занятости в монопрофильных аграрных регионах. В обозначенном контексте дискуссия о безусловном базовом доходе перестает быть предметом исключительно футурологических или теоретических изысканий и приобретает прагматическое звучание. Речь идет о поиске новой модели общественного договора, в рамках которой право человека на минимальный уровень существования признается не в качестве вспомоществования, а в роли амортизационного механизма на период масштабной технологической трансформации рынка труда. Таким образом, проблема бедности и богатства в современном мире не редуцируется к бухгалтерскому балансу доходов и расходов. Она представляет собой сложное уравнение, ключевыми переменными которого выступают социальная справедливость, технологический суверенитет и устойчивость развития как глобальных мегаполисов, так и сельских территорий.

Список литературы:

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. – М.: АСТ, 2016. – 720 с. (дата обращения: 18.03.2026).
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с. (дата обращения: 18.03.2026).
3. Котова Е. В. Откуда берутся деньги, Карл? Природа богатства и причины бедности. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 339 с. (дата обращения: 24.03.2026).
4. Козырева П. М. Бедность и богатство в трансформирующемся обществе // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 101-120. (дата обращения: 24.03.2026).
5. Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. – 2018. – № 6 (410). – С. 53-65. (дата обращения: 24.03.2026).

6. Чалов И. В. Богатство и бедность как социальные феномены в период глобализации // Социальное здоровье: проблемы и решения. – 2017. – № 2. – С. 15-27. (дата обращения: 24.03.2026).
7. Заславская Т. И. Социокультурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 3-11. (дата обращения: 03.04.2026).

2.2. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Сумарно Лхотсе

*магистрант 2-го курса кафедры социологии,
Российский государственный
социальный университет,
РФ, г. Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются интернет-мемы как важный элемент цифровой коммуникации в молодежной среде. Анализируются особенности их использования, а также коммуникативные функции, которые они выполняют в процессе взаимодействия. Особое внимание уделяется роли мемов в передаче информации и выражении эмоциональных состояний. Делается вывод о значимости интернет-мемов в современных коммуникативных практиках молодежи.

Ключевые слова: интернет-мемы, цифровая культура, цифровое общество, молодежь, идентичность, цифровая коммуникация.

Введение

Современное общество развивается в условиях активной цифровизации, которая существенно изменяет формы коммуникации и взаимодействия между различными социальными группами. Развитие интернет-технологий привело к формированию новых каналов передачи информации, в которых важную роль играют визуальные и символические формы коммуникации. Согласно концепции сетевого общества М. Кастельса, коммуникация становится ключевым элементом социальной структуры в условиях цифровой среды [2]. В рамках цифровой культуры появляются новые способы выражения смыслов, которые активно используются в повседневной коммуникации молодежи. Особое место среди таких форм занимают интернет-мемы, обладающие высокой скоростью распространения и адаптивностью к различным социальным контекстам.

Интернет-мемы представляют собой специфическую форму цифровой коммуникации, сочетающую текстовые и визуальные элементы и

отражающую особенности восприятия социальной реальности. Они позволяют пользователям быстро выражать эмоции, оценки и отношение к происходящим событиям, что делает их эффективным инструментом взаимодействия. Как отмечает Л. Шифман, мемы являются важным элементом цифровой культуры и формируют новые коммуникативные практики в обществе [1]. В молодежной среде мемы активно используются как средство общения, позволяющее упрощать передачу информации и усиливать эмоциональную выразительность сообщений. Таким образом, исследование интернет-мемов как способа коммуникации является актуальным направлением современной социологической науки.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Интернет-мемы как элемент цифровой культуры

Интернет-мемы занимают важное место в системе современной цифровой культуры, формируя особое пространство символической коммуникации. Мемы представляют собой динамичную форму контента, обладающую высокой степенью тиражируемости и способностью быстро адаптироваться к изменяющимся социальным условиям. В научной литературе мемы рассматриваются как элемент медиакультуры и цифрового фольклора [4].

Цифровая культура характеризуется высокой скоростью обмена информацией, что способствует активному распространению мемов. Мемы становятся результатом коллективного творчества пользователей и выполняют функцию передачи культурных кодов. Они позволяют пользователям интерпретировать социальную реальность и выражать свое отношение к происходящим событиям. Таким образом, интернет-мемы выступают как важный элемент цифровой коммуникации.

Функции интернет-мемов в цифровой коммуникации

Интернет-мемы выполняют ряд функций в процессе цифровой коммуникации. Прежде всего, они выполняют информационную функцию, позволяя передавать сведения о событиях в упрощенной форме. Развлекательная функция мемов связана с созданием эмоционального отклика и вовлечением пользователей в коммуникацию.

Особое значение имеет идентификационная функция, связанная с формированием групповой принадлежности. Использование мемов позволяет пользователям выражать свою позицию и демонстрировать принадлежность к определенной социальной группе [3]. Мемы становятся инструментом символического взаимодействия, в рамках которого формируются коллективные смыслы.

Интернет-мемы как форма медиатекста

В современной научной литературе интернет-мемы рассматриваются как особая форма медиатекста, обладающая специфическими характеристиками. Мемы включают в себя визуальные и текстовые элементы, объединенные в единую смысловую конструкцию. Они обладают многослойной структурой и могут содержать как явные, так и скрытые смыслы.

Мемы функционируют как интертекстуальные конструкции, опирающиеся на культурные коды и социальный контекст. В процессе распространения мемы могут изменяться и приобретать новые значения. Это делает их динамичным элементом цифровой культуры. Таким образом, интернет-мемы можно рассматривать как особую форму медиатекста [5].

Интернет-мемы и формирование молодежной идентичности

В условиях цифрового общества процессы формирования идентичности приобретают новые формы, связанные с развитием онлайн-коммуникации. Молодежь активно использует интернет-мемы как средство самовыражения и коммуникации. Мемы позволяют передавать сложные социальные смыслы в доступной форме, что делает их эффективным инструментом взаимодействия.

Использование мемов способствует формированию символического пространства, в рамках которого происходит самоидентификация личности. Мемы отражают ценностные ориентации молодежи и позволяют выражать отношение к социальным явлениям. Таким образом, интернет-мемы выступают важным фактором формирования молодежной идентичности.

Интернет-мемы как инструмент социальной интерпретации

Интернет-мемы выполняют важную функцию интерпретации социальной реальности. Они позволяют пользователям осмыслять происходящие события и формировать определенную оценочную позицию. Мемы часто используют иронию, сарказм и гиперболу, что делает их эффективным инструментом выражения социального отношения.

В условиях цифровой культуры мемы становятся способом коллективного осмысления социальной реальности. Они позволяют формировать общественное мнение и влиять на восприятие социальных процессов. Таким образом, интернет-мемы выступают важным элементом социальной коммуникации.

Важным аспектом исследования интернет-мемов является их роль в формировании коммуникативных практик молодежи. Мемы

становятся не только средством передачи информации, но и инструментом взаимодействия между пользователями, формируя специфический язык цифровой коммуникации. Использование мемов способствует упрощению сложных смыслов и делает коммуникацию более доступной и эмоционально насыщенной. В условиях цифровой культуры мемы становятся важным элементом повседневного взаимодействия молодежи, отражая особенности ее мировосприятия. Это позволяет рассматривать интернет-мемы как значимый фактор трансформации современных коммуникационных процессов.

ВЫВОДЫ

Таким образом, интернет-мемы выступают значимым элементом современной цифровой коммуникации, активно используемым в молодежной среде. Они не только упрощают процесс передачи информации, но и способствуют формированию новых способов взаимодействия между пользователями в условиях цифрового общества. Мемы позволяют эффективно выражать эмоции, оценки и социальные позиции, что делает их важным инструментом коммуникации. Кроме того, они выполняют функцию передачи культурных смыслов и отражают особенности восприятия социальной реальности молодежью. Следовательно, интернет-мемы можно рассматривать как важный компонент современных коммуникативных практик, требующий дальнейшего социологического анализа.

Список литературы:

1. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 328 с.
2. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
3. Савицкая Т.Е. Интернет-мемы в системе современной массовой культуры // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 3.
4. Шомова С.А. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2021. – № 5 (165). – С. 399–424. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1977>.
5. Shifman L. Memes in Digital Culture. – Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Дормушев Мирослав Антонович

студент,

Ульяновский Государственный

Технический Университет,

РФ, г. Ульяновск

SOCIAL MECHANISMS OF CORPORATE IDENTITY REPRODUCTION IN THE MANAGEMENT STRUCTURE OF A MODERN INDUSTRIAL ENTERPRISE

Dormushev Miroslav Antonovich

Student,

Ulyanovsk State Technical University,

Russia, Ulyanovsk

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования корпоративной идентичности как фактор социальной устойчивости трудового коллектива. С позиций социологии управления анализируется феномен разрыва между формальными управленческими стратегиями и неформальными социальными практиками. В работе обосновывается авторская концепция «двойного фильтра искажения», описывающая механизм трансформации смыслов в бюрократической иерархии промышленного предприятия. На основе эмпирических данных, полученных методом нарративных интервью в ООО «НИЦ КТ», раскрывается природа «теневого кодекса» предприятия и его роль в процессе социальной адаптации молодых специалистов. Научная новизна заключается в концептуализации нарративного диссонанса как источника дисфункции системы социального управления.

Abstract. This article examines the formation of corporate identity as a factor in the social stability of a workforce. An analysis of the sociology of

management reveals a phenomenal gap between formal management strategies and informal, concrete practices. The paper substantiates the author's concept of a "double filter," which describes the mechanism for transforming meanings in the bureaucratic hierarchy of an industrial enterprise. Based on empirical data obtained through narrative interviews at the Scientific Center for Computer Technologies (NITs KT), the nature of the enterprise's "shadow code" and its role in the social adaptation of young professionals are revealed. The scientific novelty lies in the conceptualization of narrative dissonance as a source of dysfunction in the real management system.

Ключевые слова: социология управления, корпоративная идентичность, социальная устойчивость, двойной фильтр искажения, нарративный анализ, трудовой коллектив, отчуждение, промышленное предприятие.

Keywords: sociology of management, corporate identity, social sustainability, double distortion filter, narrative analysis, work collective, alienation, industrial enterprise.

Целью настоящего исследования является социологическая реконструкция механизмов формирования корпоративной идентичности сотрудников ООО «НИЦ КТ», направленная на выявление скрытых институциональных и социально-психологических барьеров, препятствующих конгруэнтной трансляции управленческих смыслов внутри трудового коллектива. В рамках достижения данной цели предполагается не только диагностировать текущее состояние ценностно-нормативной интеграции персонала, но и определить латентные ресурсы совершенствования процесса становления идентичности через преодоление выявленных фильтров искажения информации.

Введение в предметную область социологии управления требует переосмысления корпоративной идентичности не как маркетингового конструкта, а как базового элемента социальной интеграции индивида в систему производственных отношений. В условиях постиндустриальной трансформации промышленное предприятие сталкивается с кризисом традиционных моделей управления, основанных на жесткой дисциплине и материальном стимулировании. Современный работник, особенно представитель молодого поколения специалистов, стремится к обретению субъектности и поиску профессиональных смыслов в рамках своей трудовой деятельности. В связи с этим, проблема формирования устойчивой идентичности становится центральной для обеспечения социальной стабильности организации, предотвращения текучести кадров и минимизации рисков внутренней конфликтности [1, с. 56].

Теоретико-методологический каркас исследования базируется на классических и современных социологических теориях, рассматривающих организацию как социальную систему. Особое значение здесь приобретает концепция символического интеракционизма и теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, согласно которым корпоративная идентичность является результатом постоянного диалога между индивидом и структурой. В контексте социологии управления важно учитывать теорию социального действия М. Вебера, где рационализация управления неизбежно сталкивается с иррациональностью человеческого поведения. Проблема заключается в том, что управленческие воздействия часто воспринимаются сотрудниками не как руководство к действию, а как элементы «символического насилия» в терминах П. Бурдьё, что порождает защитные механизмы социальной изоляции внутри трудового коллектива. [4, с. 67]

Эмпирический анализ, проведенный на базе ООО «НИЦ КТ», позволил выявить глубокие структурные противоречия в системе социального управления организацией. Применение метода биографического интервью позволило реконструировать жизненные миры сотрудников и сопоставить их с официальной идеологией предприятия. Исследование показало, что на этапе профессиональной социализации молодые специалисты сталкиваются с состоянием, которое можно охарактеризовать как институциональный шок. Внешний фасад организации, транслируемый через официальные каналы коммуникации как пространство инноваций и творческой самореализации, вступает в острое противоречие с жесткой рутинизацией труда и бюрократическим давлением. Этот разрыв формирует первичный очаг отчуждения, который в дальнейшем кристаллизуется в устойчивую антипатию к корпоративным ценностям [1, с. 60]. По мнению М. Г. Солнышкиной и С. Ю. Николаева, подобный диссонанс между декларируемой культурой и реальными практиками является главным барьером на пути формирования лояльности персонала [2, с. 50].

Центральным звеном исследования является обоснование авторской теории «двойного фильтра искажения», которая рассматривает организацию как систему последовательных барьеров на пути прохождения управленческой информации. Согласно данной модели, любая стратегическая инициатива руководства, направленная на развитие корпоративной культуры, проходит через первый фильтр на уровне линейного менеджмента. Здесь происходит редукция смыслов: живая идея превращается в формализованный инструмент контроля и отчетности, поскольку для начальника среднего звена приоритетом является сохранение статус-кво и демонстрация лояльности вышестоящему

руководству. На этом этапе происходит первая деформация социальной идентичности, когда работник начинает воспринимать инновации как дополнительную административную нагрузку, не связанную с его реальными профессиональными интересами.

Второй фильтр искажения локализован на уровне первичных рабочих групп и носит социально-психологический характер. Информация, уже деформированная на уровне среднего менеджмента, интерпретируется рядовыми сотрудниками через призму «теневого кодекса» предприятия. Этот неформальный свод правил и представлений формируется стихийно как защитная реакция на неэффективные управленческие решения. В результате возникает феномен смысловой инверсии: понятия «эффективность», «развитие» и «корпоративный дух» наделяются негативными коннотациями и воспринимаются как маркеры внешнего давления. С социологической точки зрения это означает распад единого социального пространства организации на изолированные группы с несовпадающими ценностными ориентациями, что критически снижает устойчивость всей системы.

Научная значимость исследования заключается в выявлении механизмов воспроизводства социального отчуждения в современных управленческих структурах. Автором доказано, что ключевой проблемой является не дефицит коммуникации, а существование нарративного диссонанса – системного рассогласования между «мифом об организации» и «биографией сотрудника». Социологическая новизна работы состоит в концептуализации роли «теневого кодекса» как альтернативного института социализации, который в условиях управленческого вакуума берет на себя функции регуляции поведения персонала. Установлено, что идентичность работников ООО «НИЦ КТ» формируется не благодаря, а вопреки официальной кадровой политике, опираясь на солидарность внутри профессиональных групп «низового» уровня против «административного центра».

Развитие научной дискуссии в рамках социологии управления позволяет утверждать, что стабильность коллектива в долгосрочной перспективе невозможна без восстановления доверия между различными иерархическими уровнями. Это требует перехода от монологических форм управления к диалоговым моделям, предполагающим признание субъектности работника. Результаты исследования показывают, что официальные «истории успеха» не находят отклика в сознании персонала, так как не учитывают повседневные трудности и реальный вклад сотрудников в производственный процесс. Социальная интеграция может быть достигнута лишь через легализацию субъектного опыта работников и включение их жизненных нарративов в общую ткань

организационной культуры, что позволит снизить уровень институциональной тревожности и минимизировать действие «фильтров искажения» [4, с. 75].

Практическая значимость работы для системы управления предприятием выражается в необходимости ревизии подходов к внутренней социальной политике. Традиционные методы формирования лояльности, основанные на трансляции декларативных ценностей, должны быть заменены механизмами «соучаствующего управления». Это подразумевает не только информирование персонала, но и создание реальных площадок для обсуждения производственных проблем, где голос рядового сотрудника будет услышан без фильтрации со стороны среднего менеджмента. Особое внимание следует уделить процессам адаптации молодых специалистов, создавая условия для реализации их инновационного потенциала в реальных проектах, что позволит преодолеть эффект «рутинного шока» и заложить фундамент позитивной идентичности на ранних этапах карьеры.

В заключение следует подчеркнуть, что социологический анализ корпоративной идентичности открывает новые горизонты для понимания природы организационной стабильности. Выявленные закономерности функционирования «двойного фильтра искажения» и природа нарративного диссонанса позволяют рассматривать управление идентичностью как сложную социальную инженерию, направленную на преодоление отчуждения и гармонизацию интересов личности и организации. Предложенный теоретический подход может быть использован для разработки систем социологического мониторинга состояния трудовых коллективов на промышленных предприятиях, что обеспечит управленческий аппарат объективными данными для принятия стратегических решений в области развития человеческого капитала. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с изучением цифровой трансформации социальных связей внутри организации и её влияния на процессы идентификации.

Список литературы:

1. Плетнёв Д.А., Козлова Е.В. К вопросу оценки отчуждения и поведенческого оппортунизма работников предприятий и корпораций // *π-Economy*. 2024. Т. 17, № 5. С. 56–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-vo-prosu-otsenki-otchuzhdeniya-i-povedencheskogo-opportunizma-rabotnikov-predpriyatiy-i-korporatsiy>. (дата обращения: 26.04.2026).

2. Скифская А. Л., Колтунов А. Л., Мостовая Д. А. Неформальные отношения в организации // Вестник Тюменского индустриального университета. 2024. № 2. С. 65–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnye-otnosheniya-v-organizatsii>. (дата обращения: 22.04.2026).
3. Солнышкина М. Г., Николаев С. Ю. Профессиональная социализация и организационная культура предприятия // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 45–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sotsializatsiya-i-organizatsionnaya-kultura-predpriyatiya>. (дата обращения: 27.04.2026).
4. Щербakov И. В. Методологический подход к оценке идентичности работников предприятия // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 4. С. 77–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskij-podhod-k-otsenke-identichnosti-rabotnikov-predpriyatiya>. (дата обращения: 06.04.2026).

2.4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Галка Надежда Анатольевна

*научный руководитель, доц., канд. полит. наук,
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I,
РФ, г. Воронеж*

Катасонова Дарья Сергеевна

*студент 4 курса, экономического факультета,
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I,
РФ, г. Воронеж*

PERSONNEL SHORTAGE IN THE AGRICULTURAL SECTOR AS A SOCIOLOGICAL PROBLEM

Galka Nadezhda Anatolyevna

*Academic Supervisor, Associate Professor,
Candidate of Political Sciences,
Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I,
Russia, Voronezh*

Katasonova Daria Sergeevna

*4th-year student, Faculty of Economics,
Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I,
Russia, Voronezh*

Аннотация. Статья посвящена анализу кадрового дефицита в аграрном секторе как социологической, а не только экономической проблемы. Рассматриваются причины оттока молодых специалистов из

сельских территорий, включая отчуждение труда в крупных агрохолдингах, отсутствие социальных перспектив и низкий престиж аграрных профессий, а также предлагаются направления социокультурных изменений для закрепления кадров на селе.

Abstract. The article analyzes the personnel shortage in the agricultural sector as a sociological, rather than merely economic, problem. It examines the reasons for the outflow of young specialists from rural territories, including labor alienation in large agricultural holdings, the lack of social prospects, and the low prestige of agrarian professions, and also suggests directions for sociocultural changes to retain personnel in rural areas.

Ключевые слова: кадровый дефицит, аграрный сектор, отчуждение труда, сельские территории, молодые специалисты, миграция, anomia, культурный лаг, престиж профессии, социология села.

Keywords: personnel shortage, agricultural sector, labor alienation, rural territories, young specialists, migration, anomie, cultural lag, professional prestige, rural sociology.

В последние годы аграрный сектор столкнулся с острой и трудно-преодолимой проблемой дефицита кадров [9, с. 3]. Несмотря на рост зарплат, государственную поддержку молодых специалистов и модернизацию техники, выпускники сельскохозяйственных вузов предпочитают городскую жизнь [2, с. 41–46]. Эта тенденция, наблюдаемая как в крупных агрохолдингах, так и в малых хозяйствах, не является единичным явлением. Экономисты часто связывают это с нехваткой жилья, низкой производительностью и долгим сроком окупаемости инвестиций в персонал. Однако, более глубокий анализ показывает, что причина кроется не только в экономических факторах. Социологический взгляд выявляет, что кадровый голод является симптомом более глубокого разрыва между методами управления в агробизнесе и жизненными приоритетами молодого поколения [1, с. 143–148, 3, с. 58–61].

Современное сельское хозяйство, в значительной степени формируемое крупными агрохолдингами, основано на принципах максимальной эффективности [8, с. 5]. В этой модели работник рассматривается как один из производственных ресурсов, наравне с техникой или удобствами. Хотя такой подход логичен с точки зрения управления, он игнорирует социальную природу человека. Карл Маркс ещё в своё время описал феномен отчуждения: чем более стандартизирован труд и чем меньше работник осознаёт связь между своими действиями и конечным продуктом, тем меньше он заинтересован в своей работе. В агросекторе это проявляется ярко: операторы автоматизированных ферм или

механизаторы, управляющие техникой с GPS, часто чувствуют себя лишь частью механизма, не имея возможности влиять на процесс и видя результаты своего труда лишь в отчётах [3, с. 73–76].

Важно также учитывать результаты хоторнских экспериментов, проведенных Элтоном Мэйо и его группой. Эти исследования продемонстрировали, что для сотрудников значительную роль играют неформальные отношения в коллективе, чувство принадлежности и возможность влиять на рабочую среду [5, с. 214–219]. В контексте современных агрохолдингов эти факторы зачастую недооцениваются. Централизованное управление из городских офисов, где решения принимаются лицами, не имеющими непосредственного опыта работы на фермах, приводит к тому, что работники на местах воспринимают их как директивы, не подлежащие обсуждению. Это неизбежно ведет к снижению мотивации и пассивному сопротивлению, выражающемуся в выполнении работы на минимально допустимом уровне и отсутствии инициативы по оптимизации процессов.

Когда руководство замечает пассивность сотрудников, оно склонно считать их либо ленивыми, либо недостаточно квалифицированными. В ответ принимаются меры по усилению надзора, что, однако, лишь усугубляет отстраненность людей. Возникает порочный круг. Материальные стимулы, такие как зарплата и бонусы, приносят лишь кратковременное облегчение, поскольку истинная причина кроется глубже. Людям необходимо осознавать смысл своей работы, чувствовать уважение к своей специальности и иметь хотя бы минимальную свободу действий [5, с. 220–223]. Современный корпоративный агробизнес не обеспечивает ни одного из этих условий. Поэтому дефицит кадров в этой отрасли – не досадное недоразумение, а предсказуемый результат.

С точки зрения руководства, низкая лояльность сотрудников – это проблема. Однако для молодого специалиста, только что получившего диплом, ситуация выглядит иначе. Он может отказаться от работы в семейном бизнесе, даже если там предлагают зарплату выше, чем в городе. Причина кроется не в экономике, а в социологии. Теория миграции Питирима Сорокина, разделяющая факторы "выталкивания" и "притяжения", объясняет это: в данном случае, факторы, побуждающие уехать, перевешивают финансовую выгоду [6, с. 112–116, 2, с. 52–58].

На первом месте среди причин оттока молодежи из сельской местности стоит не размер заработной платы, а отсутствие четких перспектив. Молодой человек при оценке места жительства учитывает не только свой доход, но и целый комплекс факторов: жилищные условия в долгосрочной перспективе, будущее образование детей, возможности трудоустройства для супруги, наличие развитой социальной

инфраструктуры – больницы, спортивных залов, мест для культурного досуга [1, с. 162–167, 2, с. 67–73]. К сожалению, многие сельские поселения, даже в таких развитых аграрных областях, как Воронежская, не способны удовлетворить эти потребности. Устаревшие советские дома культуры, ограниченное количество медицинских работников и полное отсутствие досуговых заведений формируют у молодежи представление о такой среде как о бесперспективной.

Не стоит забывать и о факторе престижа. Массовое сознание, активно формируемое федеральными медиа и социальными сетями, продолжает считать работу на земле уделом людей, не добившихся успеха, или тех, у кого не было другого выхода, особенно среди старшего поколения. Даже если реальный доход механизатора выше, чем у офисного сотрудника в Воронеже, его профессия все равно воспринимается как низкостатусная [10, с. 1]. Для молодого специалиста, который привык к определенному уровню амбиций, возвращение в село означает публичное признание того, что он не смог достичь большего. Город же, напротив, дарит анонимность, создает иллюзию свободы и, что особенно важно, иллюзию возможности карьерного продвижения.

В отличие от общепринятого мнения, город привлекает не столько финансовыми возможностями, сколько шансом на самореализацию и свободу выбора [2, с. 74–77]. Здесь можно экспериментировать, совершать ошибки и начинать с чистого листа. Сельская местность, напротив, навязывает предопределенный путь: вернувшись к традиционному укладу, человек, скорее всего, останется там навсегда. В то время как городской житель, даже занимая скромную должность, сохраняет веру в лучшее будущее и возможность перемен. Эта иллюзия перспектив зачастую оказывается более мощным стимулом, чем реальные деньги, что является ярким примером социологического явления.

Таким образом, мы видим две стороны, каждая из которых действует исходя из своей логики. Работодатель стремится к эффективности и контролю, а выпускник – к построению устойчивой и социально одобряемой жизненной траектории, даже если она не сулит быстрого обогащения. Оба правы в своих стремлениях, но их рациональные подходы вступают в конфликт и взаимно исключают друг друга. Социологи объясняют это явление через понятия аномии (по Дюркгейму) и культурного лага (по Огборну) [5, с. 301–307].

Аномия – это состояние общества, когда прежние правила и ценности утратили силу, а новые еще не сформировались. В советское время, в эпоху колхозов и совхозов, жизнь человека была тесно связана с родным селом и землей, что воспринималось как должное. Эта система, несмотря на свои недостатки, обеспечивала социальную

стабильность: предоставляла жилье, детские учреждения, места для досуга и чувство принадлежности к общему делу. Сегодня эта основа разрушена. Агрохолдинги предлагают рабочие места, но не полноценную жизнь. Отсутствуют новые социальные ориентиры, способные удерживать молодых специалистов на селе [4, с. 141–145]. Нет привлекательного образа успешного фермера, нет возможностей для карьерного роста. В результате человек оказывается в вакууме, не видя ни веских причин оставаться, ни убедительных поводов уезжать, кроме смутного ощущения, что "в городе жить правильнее". Это и есть аномия в ее наиболее явной форме.

Уильям Огборн ввел понятие "культурного лага", которое прекрасно иллюстрируется современным аграрным сектором. Он заметил, что материальная сторона жизни – технологии, техника, инфраструктура – развивается стремительнее, чем нематериальная – наши ценности, нормы и представления о должном. Этот разрыв и есть тот самый культурный лаг. На селе он проявляется особенно ярко. За последние двадцать лет село преобразилось материально: появились высокотехнологичные фермы, комбайны с GPS, а интернет проник в большинство деревень [7, с. 3]. Но вот нематериальная культура осталась практически неизменной. Уважение к сельскому труду, престиж аграрных профессий, вера в то, что село может стать местом для самореализации и счастья, – все это не сдвинулось с мертвой точки. Технологическая революция произошла, а вот культурная – нет. И этот диссонанс ощущается людьми гораздо острее, чем финансовые различия.

Если подвести итог, то кадровый дефицит в аграрном секторе – это не сбой на рынке, а диагноз. Сельские территории перестали быть местом, где молодой человек хочет жить и работать. Деньги эту проблему не решают, потому что дело не только в них. Нужны смыслы, уважение, нормальная среда. Пока профессия агрария остаётся непрестижной, пока в селе нет горизонта планирования, дефицит кадров будет только расти. Настоящие изменения начнутся не с повышения зарплат, а с того, когда село снова станет привлекательным для жизни.

Список литературы:

1. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции. – М.: Логос, 2016. – 320 с.
2. Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край / под ред. А. Я. Троцкого, Н. В. Мкртчяна. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. – 210 с.
3. Семенкова С. Н., Гончаренко О. В. Социология территорий: социология и психология села: учебное пособие для бакалавров. – Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2023. – 196 с.

4. Социологический альманах. Вып. 11 / отв. ред. В. В. Кулешов. – Минск: Институт социологии НАН Беларуси, 2020. – 364 с.
5. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт социологии РАН, 2018. – 696 с.
6. Сорокин П. А. Социальная мобильность. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2018. – 608 с.
7. Кадровая политика аграрного сектора: роль образовательных учреждений в подготовке специалистов // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/124323> (дата обращения: 03.05.2026).
8. Кадровый потенциал в аграрном секторе: гендерный аспект // Turan University Journal. – 2023. – Режим доступа: <https://vestnik.turan-edu.kz/jour/article/view/3230> (дата обращения: 03.05.2026).
9. Кадровый потенциал аграрного сектора // Научная электронная библиотека SciUp. – Режим доступа: <https://sciup.org/kadrovuyj-potencial-agrarnogo-sektora-140262563> (дата обращения: 04.05.2026).
10. Кадровый потенциал АПК // Belarusenc: электронная энциклопедия. – 2024. – 29 апр. – Режим доступа: <https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=3680> (дата обращения: 06.05.2026).

РАЗДЕЛ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН

Абдурахмонов Мухиддин Шамсиевич

доктор философии

по политическим наукам (PhD), доц.,

Национальный университет Узбекистана,

Узбекистан, г. Ташкент

Аннотация. В статье рассматриваются философские основания и ценностные ориентиры стратегии устойчивого развития ООН как глобальной модели гармонизации социально-экономического и экологического развития, а также анализируются ключевые принципы, включая идею межпоколенческой справедливости, баланс интересов человека и природы, а также приоритет человеческого достоинства и ответственности. Особое внимание уделяется роли гуманистических и этических концепций в формировании устойчивых практик развития в условиях глобальных вызовов и трансформаций.

Abstract. The article examines the philosophical foundations and value orientations of the United Nations sustainable development strategy as a global model for harmonizing socio-economic and environmental development. Key principles are analyzed, including the idea of intergenerational justice, the balance between human and nature interests, as well as the priority of human dignity and responsibility. Particular attention is paid to the role of humanistic and ethical concepts in shaping sustainable development practices in the context of global challenges and transformations.

Ключевые слова: устойчивое развитие, философские основания, ценностные ориентиры, ООН, межпоколенческая справедливость, экологическая ответственность, гуманизм.

Keywords: sustainable development, philosophical foundations, value orientations, United Nations, intergenerational justice, environmental responsibility, humanism.

В настоящее время глобальное развитие характеризуется углублением противоречий между экономическим ростом, социальным благополучием и экологической устойчивостью. В этих условиях программа устойчивого развития Организации Объединённых Наций (ООН) приобретает как практический смысл, так и философское значение. Она выступает как универсальная модель развития человечества, направленная на гармонизацию отношений между обществом, природой и экономикой. Актуальность данной стратегии обусловлена необходимостью осмысления глубинных философских оснований цели устойчивого развития и выявления её ценностных ориентиров. Философская природа данной стратегии продолжает оставаться предметом научных дискуссий, особенно в вопросах соотношения антропоцентризма и экоцентризма, проблем справедливости и взаимодействия между поколениями.

В данной статье анализируются философские основания и ценностные ориентиры стратегии устойчивого развития ООН. В этой связи имеет значение раскрытие философских предпосылок концепции устойчивого развития, определить её основные ценностные ориентиры и анализировать роль человека в системе устойчивого развития.

Концепция устойчивого развития базируется на синтезе различных философских направлений, включая экологическую и социальную философию, а также философию глобализации. Её основной идеей является достижение баланса между удовлетворением потребностей людей и сохранением возможностей будущих поколений. К числу базовых принципов относятся межпоколенческая ответственность (учёт интересов будущих поколений), рациональное использование природных ресурсов, сокращение неравенства, инклюзивность и участие всех слоёв общества в процессе принятия решений. Одним из фундаментальных принципов является принцип ответственности, разработанный Х. Йонасом, который отмечает: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности не уничтожили возможность будущей жизни» [2, с. 36]. Это принцип лежит в основе этики целей устойчивого развития и предполагает расширение горизонта моральной ответственности до глобального уровня. Также важным является переход от классического

антропоцентризма к более сбалансированной экоцентризму. В рамках традиционного подхода человек рассматривается как центр и высшая ценность мира, тогда как цели устойчивого развития ООН предполагает признание самоценности природы. С философской точки зрения устойчивое развитие представляет собой новую парадигму мышления, ориентированную на целостное восприятие мира. Это соответствует основам системного подхода, по которому общество, экономика и природа образуют взаимосвязанную систему.

Ценностные основы устойчивого развития включает в себя ряда ключевых принципов, среди которых основное место занимают справедливость, равенство, ответственность и солидарность. Принцип справедливости проявляется в следующих аспектах: равный доступ к ресурсам и сохранение ресурсов для будущих поколений. Философ из США Дж. Ролз отмечает: «Справедливость есть первая добродетель общественных институтов» [3, с. 19]. В контексте концепции устойчивого развития это означает необходимость формирования социальных и экономических систем, которые обеспечивают равные возможности для всех членов общества. Другим важным ориентиром является ценность ответственности, которая предполагает индивидуальную и коллективную ответственность государств, международных организаций и общества. Ценность солидарности отражает необходимость сотрудничества на глобальном уровне. Ни одна страна не способна в одиночестве самостоятельно решить экологические и социальные проблемы. А. Эркауе рассматривает цели устойчивого развития через призму духовных ценностей: «Устойчивое развитие невозможно без укрепления духовно-нравственных основ общества и формирования экологической культуры личности» [5, с. 64].

В философии устойчивого развития особое место занимает проблема человека, который в отличие от традиционных моделей выступает не просто потребитель, а как ответственный субъект. Немецкий философ Э. Фромм отмечал: «Современный человек живёт по принципу “иметь”, а не “быть”» [4, с. 45]. Концепция устойчивое развитие предполагает переход к модели поведения, основанной на разумном потреблении, экологической ответственности и духовных ценностях. Таким образом, формируется новый тип личности, т.е. экологически ориентированный человек, осознающий свою ответственность за состояние окружающей среды и будущее человечества.

Важное значение для философского осмысления стратегии устойчивого развития имеет ноосферная концепция, разработанная В. Вернадским, который рассматривал ноосферу в качестве этапа эволюции биосферы, где разумная деятельность человека становится

определяющим фактором развития. Вернадский отмечал: «Человечество становится мощной геологической силой» [1, с. 241]. Данная идея соотносится со стратегией цели устойчивого развития, так как подчеркивает необходимость рационального и ответственного использования природных ресурсов. Ноосферный подход позволяет рассматривать цели устойчивого развития как социально-экономическую стратегию, так и закономерный этап эволюции человечества. Он отмечал: «Первой является единство и равенство по существу, в принципе всех людей и рас. Биологически это выражается в выявлении в геологическом процессе всех людей как единого целого по отношению к остальному живому населению планеты» [1, с.192].

Несмотря на широкое признание, стратегия устойчивого развития подвергается критике. В частности, отдельные исследователи указывают на её декларативный характер и противоречие между экономическим ростом и экологическими ограничениями. В результате возникает вопрос о возможности бесконечного экономического развития в условиях ограниченности природных ресурсов. Этот парадокс остаётся одним из ключевых философских вызовов современности. Также подобной критике подвергается универсальность данной стратегии, так как различные страны имеют разные условия развития и приоритеты.

Проведённый анализ показывает, что стратегия устойчивого развития ООН имеет глубокие философские основания и опирается на комплекс ценностных ориентиров, включающих справедливость, ответственность, солидарность и гармонию с природой. Данная концепция представляет собой не просто экономическую или экологическую модель, а новую мировоззренческую парадигму, ориентированную на долгосрочное и сбалансированное развитие человечества. Особое значение имеет трансформация роли человека, от потребителя к ответственному субъекту, способному осознавать последствия своей деятельности. В данном контексте важную роль играет ноосферный подход, который подчеркивает значение разума и науки в обеспечении устойчивости. Вместе с тем сохраняются определённые противоречия и ограничения в цели устойчивого развития, что требует её дальнейшего философского осмысления и развития. Несмотря на это цели устойчивого развития можно рассматривать как глобальную идею XXI века, направленную на формирование нового типа цивилизации, основанной на принципах гармонии, ответственности и справедливости.

Список литературы:

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
2. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации: Наука как персональный опыт / пер. с нем., предисл. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
3. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ.; авт. предисл. В.В. Целищева – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 536 с.
4. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990. – 330 с.
5. Эркаев А.Э. Духовность и развитие общества. – Ташкент: Узбекистан, 2008. – 180 с.

РАЗДЕЛ 4.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

4.1. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА, СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ИМУЩЕСТВЕННЫМ ПРАВАМ КРЕДИТОРОВ

Бакаев Иван Андреевич

*аспирант 3-го курса обучения,
Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
РФ, г. Москва*

FEATURES OF PROVING THE INVALIDITY OF DEBTOR'S TRANSACTIONS CARRIED OUT WITH THE PURPOSE OF CAUSING HARM TO THE PROPERTY RIGHTS OF CREDITORS

Bakaev Ivan Andreevich

*3rd year of postgraduate course,
Non-state educational private institution
of higher education «Moscow Financial-Industrial
University «Synergy»,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности доказывания обстоятельств, установление которых необходимо для признания недействительными сделок, совершенных должником с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. Автором проводится анализ действующего законодательства, а также разъяснений Верховного суда РФ, а также Пленума ВАС РФ по указанным вопросам.

Abstract. The article discusses the specifics of proving the circumstances, the establishment of which is necessary to invalidate transactions made by the debtor in order to harm the property rights of creditors. The author analyzes the current legislation, as well as the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on these issues.

Анализ сложившейся судебной практики по делам о несостоятельности (банкротстве) свидетельствует о том, что должник, обладающий информацией о недостаточности имущества и потенциальной невозможности в будущем удовлетворить требования кредиторов нередко предпринимает действия, направленные на отчуждение имеющихся активов с целью недопущения обращения на них взыскания в случае инициирования процедуры его несостоятельности (банкротства).

Указанная позиция подтверждается Верховным судом РФ. Так, в соответствии с Обзором судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 г., в преддверии банкротства должник в том числе может предпринимать действия, направленные на вывод своего имущества от принудительного взыскания, что влечет причинение вреда кредиторам должника, снижая вероятность погашения их требований [5, с. 54];

Аналогичной точки зрения также придерживаются в научной литературе. Так, Т.П. Шишмарева указывает, что «неплатежеспособный должник в предвидении несостоятельности зачастую совершает сделки по отчуждению своего имущества в целях вывода активов и тем самым причиняет имущественный вред кредиторам, уменьшая потенциальную конкурсную массу» [2, с. 23]

С.А. Карелина также отмечает, что «при совершении подобного рода сделок объем имущества должника уменьшается, а добросовестные кредиторы утрачивают возможность удовлетворения своих требований за счет определенного имущества должника» [1, с. 22].

Оспаривание сделок должника регулируется гл. III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Так, в соответствии с п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, сделка, совершенная

должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка была совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления и в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки (подозрительная сделка) [3, с. 139];

В контексте доказывания недействительности сделок должника, совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов основополагающими представляются разъяснения, приведенные в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Так, п. 5 указанного Постановления разъясняет, что для признания сделки недействительной по основанию, указанному в п. 2 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6, с. 3], необходимо, чтобы оспаривающее сделку лицо доказало наличие совокупности следующих обстоятельств:

- 1) сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов;
- 2) в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов;
- 3) другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Рассмотрим указанные обстоятельства более подробно.

А. В соответствии с абз. 2, п. 2, ст. 61.2 Закона о банкротстве, цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица [3, с. 139].

С учетом изложенного, для установления противоправности цели совершенной должником сделки необходимо доказать совокупное наличие следующих обстоятельств:

1. На момент совершения оспариваемой сделки у должника имелись неисполненные обязательства перед кредиторами и собственных средств (имущества) должника не хватало для погашения указанных требований, либо совершение оспариваемой сделки привело к невозможности должника погасить неисполненные обязательства перед кредиторами;

2. Оспариваемая сделка являлась безвозмездной, т.е. была осуществлена передача имущества без предоставления какого-либо встречного исполнения, либо совершена в отношении аффилированного с должником лица.

Б. Согласно п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», при определении вреда имущественным правам кредиторов следует иметь в виду, что в силу абзаца тридцать второго статьи 2 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» под ним понимается уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приведшие или могущие привести к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества [6, с. 3].

Необходимо учитывать, что в соответствии с п. 1 ст. 213.25 ФЗ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, составляет конкурсную массу [3, с. 753].

Для конкурсного оспаривания, целью которого является возврат незаконно выведенных активов должника для справедливого и максимального удовлетворения требований кредиторов, результатом вредоносной сделки будет считаться любое безосновательное уменьшение конкурсной массы должника (как исполнение недолжного, так и неполучение должного). При этом, в указанном случае значение будет иметь выбытие активов должника из юридической сферы контроля. На практике нередки случаи, при которых должник отчуждает имущество аффилированным лицам, при этом сохраняя фактический контроль над ним (к примеру, при условии заключения должником договора дарения с родителями/детьми). Однако, несмотря на сохранение фактического контроля, обращение взыскания на отчужденный актив становится невозможным в связи с его выбытием из собственности должника.

Таким образом, для установления факта причинения оспариваемой сделкой вреда имущественным правам кредиторов необходимо доказать, что в результате ее совершения кредиторам был причинен вред, выразившийся в уменьшении потенциальной конкурсной массы, а также в отсутствии реальной возможности получить удовлетворение своих требований к должнику за счет отчужденного имущества.

В. Пункт 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» обращает внимание на то, что в силу абзаца первого пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве предполагается, что другая сторона сделки знала о совершении сделки с целью причинить вред имущественным правам кредиторов, если она признана заинтересованным лицом (ст. 19 указанного Закона) либо если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника [6, с. 4].

При доказывании рассматриваемого обстоятельства важно учитывать, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 11 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 г., «осведомленность контрагента должника о противоправных целях сделки как одно из совокупных условий для признания сделки недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве может доказываться через опровержимые презумпции заинтересованности обеих сторон сделки, знание об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках его неплатежеспособности или недостаточности у него имущества.

При разрешении подобных споров суду в том числе следует оценить добросовестность контрагента должника, сопоставив его поведение с поведением участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно. Существенное отклонение от стандартов общепринятого поведения подозрительно и в отсутствие обоснования и доказательств оправданности такого поведения может указывать на недобросовестность такого лица» [4, с. 15-16].

Иными словами, Верховный суд РФ указывает на то, что перед заключением сделки добросовестный контрагент обязан проявить должную степень осмотрительности и совершить все возможные действия для проверки должника на благонадежность в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сторонам при заключении аналогичных сделок. В противном случае совершенная сделка может быть оспорена.

В случае недоказанности хотя бы одного из вышеуказанных обстоятельств суд отказывает в признании сделки недействительной по основаниям п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (см., например: [7]; [8]; [9]; [10]).

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что оспаривание сделок должника в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) является универсальным и наиболее часто используемым механизмом

правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), направленного на соблюдение баланса интересов лиц, прямо или косвенно участвующих в деле о банкротстве. Решение суда о признании сделки, направленной на причинение вреда имущественным правам кредиторов, недействительной напрямую зависит от качества собранной заявителем доказательственной базы: не просто факта вывода активов, а доказанной цепочки «умысел должника – осведомленность контрагента – реальный ущерб». Несмотря на высокий стандарт доказывания, активное использование презумпций (например, о заинтересованности сторон) позволяет эффективно возвращать имущество в конкурсную массу и защищать интересы добросовестных контрагентов должника.

Список литературы:

1. Карелина С.А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. N 4. С. 22 – 26;
2. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026 г.).
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ [ред. от 23.03.2026 г.] // «Собрание законодательства РФ». 28.10.2002. № 43. ст. 4190;
4. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2026 г. // «Бюллетень Верховного суда РФ, № 6, июнь, 2023;
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 г. // «Бюллетень Верховного Суда РФ», №1, январь, п.1-55;
6. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 [ред. от 17.12.2024 г.] // «Вестник ВАС РФ», № 3, март, 2011;
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2025 г. № 305-ЭС24-16658(1) по делу № А40-283197/2021 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс»;
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.09.2024 г. № Ф05-18066/2024 по делу № А40-258804/2020 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс»;
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.10.2021 № Ф05-14941/2021 по делу № А40-229587/2019 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс»;

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.11.2018 г. № Ф05-14011/2018 по делу № А40-114168/2016 // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ

Степанычева Ксения Александровна

*магистрант 2 курса
группы М-Ю-ПОЦЭиИБ-ДОТ-24,
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»,
Высшая школа метаправа
и искусственного интеллекта,
РФ, г. Москва*

LEGAL BASIS FOR STATE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP IN THE DIGITAL SPHERE

Stepanycheva Kseniya Aleksandrovna

*2nd year master's student,
Russian State University for the Humanities,
Higher School of Meta-Law and Artificial Intelligence,
Russia, Moscow*

Аннотация. Целью статьи является анализ эволюции правовых основ государственной поддержки МСП в цифровой сфере и выработкой рекомендаций по гармонизации федеральных и региональных правовых инструментов. Ключевыми направлениями выступают оценка действующих финансовых, налоговых и административных мер, а также выявление лучших региональных практик. Такой подход позволит создать комплексное представление о текущем состоянии и перспективах развития правовой базы. Научная и практическая значимость исследования обусловлена ожидаемым ростом цифрового сектора и

необходимостью формирования целостного правового каркаса, способного повысить конкурентоспособность МСП.

Abstract. The purpose of this article is to analyze the evolution of the legal framework for state support of SMEs in the digital sector and to develop recommendations for harmonizing federal and regional legal instruments. The key areas of focus include assessing existing financial, tax, and administrative measures, as well as identifying best regional practices. This approach will provide a comprehensive understanding of the current state and future development of the legal framework. The scientific and practical significance of this research is driven by the expected growth of the digital sector and the need to establish a comprehensive legal framework that can enhance the competitiveness of SMEs.

Ключевые слова: правовые основы, государственная поддержка, субъекты малого и среднего предпринимательства, МСП, цифровая сфера, цифровая экономика, правовое регулирование цифрового бизнеса, субсидии и гранты для МСП, льготное кредитование, налоговые льготы для ИТ-сектора, экспериментальные правовые режимы, цифровые платформы, информационно-правовое обеспечение.

Keywords: legal framework, state support, small and medium-sized enterprises, SMEs, digital sector, digital economy, legal regulation of digital business, subsidies and grants for SMEs, preferential lending, tax incentives for the IT sector, experimental legal regimes, digital platforms, legal information support.

Правовая база государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в цифровой сфере складывается из совокупности федеральных нормативных актов, включающих федеральные законы, указы Президента и постановления Правительства. Эти нормативные акты определяют общие принципы и рамки поддержки, устанавливают компетенции федеральных органов власти и закрепляют механизмы финансирования, администрирования и контроля мер поддержки. Важной характеристикой правового поля является его многоуровневость и процедурная регламентация, что влияет на применимость отдельных мер в отношении цифровых видов деятельности. Соотношение федеральных нормативов с отраслевыми правилами выражается через нормативно-правовую и функциональную координацию, где отраслевые акты и стандарты детализируют требования к цифровым продуктам и услугам. В условиях цифровизации отраслевое регулирование включает технические стандарты, требования к качеству услуг и спецификации по взаимодействию с инфраструктурой, которые должны

соотноситься с общими мерами поддержки. Неполнота или неоднозначность отраслевых норм может создавать нестыковки с федеральными программами, затрудняя доступ МСП к заявленным преференциям и субсидиям. Следовательно, правовой анализ требует внимания к внутрисистемной совместимости и механизмам разрешения конфликтов между уровнями нормотворчества.

На федеральном уровне предусмотрен перечень мер поддержки, применимых к цифровым МСП, который включает налоговые преференции, субсидирование затрат на внедрение цифровых решений, грантовые программы и меры, повышающие доступ к государственным контрактам. Правовая характеристика этих мер обычно отражает критерии отнесения организаций к МСП, порядок распределения средств и требования к отчетности и целевому использованию получаемой помощи. Нормативные акты устанавливают компетенции уполномоченных органов, сроки и формы процедур выделения субсидий и грантов, а также условия участия в специальных режимах налогообложения для цифровых предприятий. Административная регламентация и стандарты прозрачности призваны обеспечить предсказуемость применения мер, но одновременно порождают административную нагрузку для заявителей.

Нормативное регулирование обязанностей цифровых МСП затрагивает требования по защите персональных данных, обеспечение кибербезопасности и сертификацию программных продуктов, что формирует ряд административно-правовых ограничений. Контроль соответствия техническим и правовым требованиям нередко сопровождается сертификационными процедурами и обязательствами по уведомлению уполномоченных органов, что увеличивает объем регуляторной нагрузки. При этом существуют области, где правовое регулирование отстает от технологического развития, что иллюстрирует следующее замечание: «Внедрение невзаимозаменяемых токенов (NFT) в правовое и экономическое пространство Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный процесс, характеризующийся существенным разрывом между динамичным технологическим прогрессом и не успевающей за ней правовой системой. NFT в России пребывают в состоянии правового вакуума, будучи де-факто разрешенными, но де-юре не урегулированными, что порождает значительные риски для всех участников оборота – создателей, покупателей, инвесторов и платформ» [10, с.3]. Правовые пробелы и неопределенности приводят к рискам для МСП при выходе на новые цифровые рынки и требуют гармонизации требований и упрощения процедур без снижения стандартов безопасности.

Опираясь на анализ действующего законодательства, прогнозируемые законодательные инициативы будут направлены на расширение набора инструментов государственной поддержки цифровых МСП. Ожидается развитие специальных налоговых режимов, введение новых грантовых механизмов и законодательное закрепление мер по субсидированию цифровой трансформации. Такие изменения должны устранить текущие барьеры для внедрения цифровых решений и повысить доступность финансовых ресурсов для малых и средних предприятий.

Трансформация правового регулирования цифровой экономики затронет регулирование платформенных сервисов и нормы, касающиеся обработки и передачи данных. Переориентация нормативных требований может изменить условия доступа МСП к цифровым рынкам и инфраструктуре, в том числе через требования к совместимости и открытым интерфейсам. Внедрение новых стандартов регулирования потребует согласования правовых механизмов доступа и обеспечения равных условий для участников рынка.

На институциональном уровне вероятны изменения, связанные с перераспределением компетенций уполномоченных органов и созданием механизмов координации программ поддержки. «На данный момент, Правительством РФ было принято решение о создании отдельного проектного офиса. Данная организация займется управлением и контролем за работой инновационных институтов развития в России.» [8, с. 159]. Реализация данной инициативы потребует разработки четких процедур взаимодействия и критериев распределения бюджетного финансирования между федеральными и региональными структурами.

Реализация прогнозируемых изменений сопряжена с рядом правовых рисков, включая несовместимость новых норм с действующими требованиями. Необходимость введения переходных положений и поэтапной адаптации законодательства представляется ключевой для снижения правовой неопределенности для МСП. Рекомендуется предусматривать прозрачные критерии применения новых правил, механизмы обратной связи и временные послабления для субъектов, проходящих цифровую трансформацию.

Региональные нормативные акты, регулирующие поддержку МСП в цифровой сфере, традиционно охватывают несколько ключевых предметных областей: меры финансовой поддержки, налоговые преференции, обеспечение доступа к инфраструктуре, а также образовательные и консультационные программы. Такое разноуровневое регулирование проявляется в правовых формах, включая законы субъектов РФ, указы губернаторов и муниципальные программы, что позволяет адаптировать меры к местным экономическим приоритетам. Органы

региональной власти наделяются полномочиями по реализации этих мер, включая распределение бюджетных средств, организацию конкурсных процедур и контроль за исполнением региональных программ.

В региональных актах часто детализированы условия предоставления грантов и субсидий, требования к участникам и процедурные правила отбора, что повышает предсказуемость доступа к поддержке. Правила софинансирования предусматривают сочетание средств регионального бюджета, муниципальных вложений и частных инвестиций с возможностью установления долей софинансирования в нормативных актах субъектов. Особое внимание уделяется регулированию инфраструктурных проектов, таких как полигоны испытаний, коворкинги и цифровые хабы, где нормы содержат положения о порядке создания, управления и доступе для МСП.

Сопоставление региональных норм с федеральным законодательством выявляет нормативные расхождения, связанные с распределением компетенций, квалификацией мер государственной помощи и процедурными подходами. Существуют механизмы юридической координации, включая применение актов федерального уровня в преобладающих случаях, межбюджетные соглашения и правоприменительную практику, однако на практике наблюдаются конфликты и неурегулированные зоны. Выявленные типичные пробелы в регулировании требуют гармонизации нормативных подходов для обеспечения единообразной правоприменимости на местах и повышения эффективности поддержки цифровых МСП.

В ходе анализа успешных региональных кейсов были выделены ключевые критерии, позволяющие считать проект результативным, включая устойчивый рост выручки, создание новых рабочих мест и выход на внешние рынки. Успешные инициативы оказались типологически различными и включали гранты, акселерационные программы, государственно-частные партнёрства и пилотные площадки, что отражает разнообразие инструментов поддержки. Наличие этих характеристик служит оперативным индикатором положительного влияния мер на развитие цифровых МСП и обеспечивает эмпирическую основу для последующего масштабирования. Такой набор критериев позволяет унифицировать подходы к оценке и сопоставлению локальных практик между регионами.

Юридические элементы оказались критически важными для эффективности мер поддержки, в частности прозрачные критерии отбора и чёткая регламентация сроков и обязательств получателей способствуют предсказуемости результатов. Упрощённые административные процедуры снижают барьеры для участия МСП, а условия публично-

правовых договоров обеспечивают правовую определённость и распределение рисков между сторонами. Гарантии перехода результатов пилотных проектов в массовую практику выступают важным условием для устойчивого эффекта, поскольку они закрепляют путь коммерциализации и внедрения. Комплексное сочетание этих элементов повышает доверие участников и улучшает конверсию пилотных инициатив в долгосрочные проекты.

Правовые предпосылки масштабирования и тиражирования практик включают требования к финансируемой модели, направленные на финансовую устойчивость и воспроизводимость инициатив в разных условиях региональной экономики. Нормативная устойчивость мер, выраженная в ясных нормах и минимальной зависимости от временных распоряжений, создаёт условия для долгосрочных инвестиций и межрегионального распространения лучших практик. Механизмы межрегионального взаимодействия, такие как координация программ и обмен результатами пилотов, являются важным инструментом для адаптации успешных решений в новых территориях. Для широкого распространения эффективных инструментов требуется внесение целевых изменений в региональные и федеральные акты, обеспечивающих совместимость и правовую инфраструктуру для их тиражирования.

Финансовые инструменты поддержки, включая гранты, субсидии, льготные кредиты и государственно-частные фонды, выполняют важную роль в финансировании цифровых инициатив МСП. Анализ показывает, что доступность таких инструментов ограничивается сложностью конкурсных процедур и требованиями к отчетности, что снижает их целевую доступность для стартапов и микропредприятий. Объемы финансирования часто оказываются несоразмерными потребностям масштабирования цифровых проектов, а ограниченная привязка средств к конкретным целям затрудняет оценку эффективности вложений. Необходимы механизмы мониторинга и гибкие схемы распределения средств для повышения адресности и эффективности финансовой поддержки.

«Формирование системы налогообложения в зависимости от масштаба предприятия. Несмотря на то, что средние предприятия и крупные корпорации обладают сильнейшими финансовыми возможностями, в то время как у малого бизнеса таких возможностей гораздо меньше, в современных условиях предприятия наделены равными правами и обязанностями по уплате и размеру налогов. Исходя из этого, федеральным органам власти, которые имеют полномочия на формирование налоговой базы, следует создать дифференцированную систему налоговых ставок и платежей с учётом масштаба и отрасли деятельности

предприятия, тем самым простимулировав и предоставив возможность развития инновационной деятельности малого бизнеса [1, с.80].» Такая рекомендация указывает на необходимость дифференцированного подхода к налогообложению с целью повышения ликвидности и инвестиционной привлекательности цифровых МСП при одновременном снижении административной нагрузки.

Административные и институциональные меры, включая регуляторные процедуры, лицензирование, регистрационные требования и электронные сервисы, существенно влияют на скорость создания и развития цифрового бизнеса МСП. Оперативность и прозрачность процессов улучшаются за счет цифровизации сервисов, однако фрагментация практик и избыточные требования продолжают создавать барьеры для инициирования проектов. Упрощение лицензирования и внедрение единых электронных платформ взаимодействия позволяют снизить транзакционные издержки и ускорить выход на рынок. Необходимо также обеспечить совместимость региональных процедур с федеральными стандартами для повышения предсказуемости регуляторной среды.

Необходима унификация критериев отбора и целевых показателей между федеральным и региональным уровнями для устранения фрагментации доступа к ресурсам и повышения предсказуемости мер поддержки. Такая унификация предполагает согласование показателей эффективности, правил отбора бенефициаров и механизмов распределения средств, что снизит разрыв в условиях предоставления помощи. «Стратегия направлена на достижение целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей результатов федеральных проектов, входящих в состав национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и на приоритеты в реализации основной цели деятельности Фонда – обеспечение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства, а также физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (самозанятых) к льготным финансовым ресурсам по программам Фонда [3, с.22].» Приведение региональных программ к общим целевым показателям создаст предсказуемую среду для цифровых МСП и упростит оценку эффективности вмешательств.

Разработка и внедрение модельных нормативных актов по финансовым стимулам должна охватывать механизмы софинансирования, компенсации процентных ставок и целевые гранты с четкими условиями предоставления. Единые шаблоны нормативных документов обеспечат сопоставимость программ и повысят адресность помощи к

цифровым проектам МСП за счет стандартов отбора и требований к целевым показателям.

Объединение технических и процедурных решений создаст условия для согласованного исполнения нормативных актов и усилит эффективность поддержки цифровых МСП.

Список литературы:

1. Барковская В.Е. Развитие инструментов государственной поддержки малого инновационного бизнеса // Вестник астраханского государственного технического университета. Серия: экономика. – 2019. – №4. – С. 77–82.
2. Бельчик Т.А., Фролов Н.Е. Региональные проблемы развития цифровой экономики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2022. – №4. – С. 492–500.
3. Вершицкий А. В., Баграмян А. Ю. Финансовые инструменты развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2024. – №3. – С. 13–25.
4. Гасанов Э.А., Бойко Т.С., Фролова Н.С. Нормативно-правовое обеспечение инновационной мезоэкономики: состояние, проблемы // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – №4. – С. 549–558.
5. Дмитриева С.В. Инновационные модели развития малого и среднего бизнеса в эпоху цифровой трансформации экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – №11. – С. 93–104.
6. Дмитришова И.А., Винокуров А.В. Поддержка государством малых инновационных предприятий, выполняющих гособоронзаказ: актуальность, проблемы, пути реализации // Вооружение и экономика. – 2025. – №2. – С. 85–93.
7. Евстегнеева А.Ю. Государственная финансовая поддержка российского малого и среднего предпринимательства // Вестник евразийской науки. – 2023. – №3. – С. 1–13.
8. Калачева О.С., Золина Ю.А. Налоговое стимулирование инновационной деятельности в РФ на современном этапе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – №4. – С. 157–159.
9. Куцури Г.Н., Костокова К.Р. Развитие инструментов государственной финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства // Вестник алтайской академии экономики и права. – 2023. – №6. – С. 184–188.
10. Плоцких Д.В., Тышко А.В., Котляров В.Д. и др. Проблемы правового регулирования и перспективы развития NFT в России и зарубежом // Вестник евразийской науки. – 2025. – №6. – С. 1–14.
11. Соболева И.А. Информационные технологии в юридической деятельности. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – 200 с.

12. Эльдиева Т.М., Черствов А.А. Государственная региональная поддержка малого и среднего предпринимательства: кредитный аспект // Экономика. Информатика. – 2023. – №4. – С. 836–847.
13. Янова С.Ю. Рецензия на учебник «Основы цифровой экономики» // Управленческое консультирование. – 2020. – №9. – С. 164–169.

СУБЪЕКТИВНАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В НОРМАХ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ

Суриков Михаил Анатольевич

*аспирант,
Московский финансово-юридический
университет МФЮА,
РФ, г. Москва*

SUBJECTIVE GOOD FAITH IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE PROBLEM OF CONTENT

Surikov Mikhail Anatolyevich

*Postgraduate Student,
Moscow University of Finance and Law,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье автор исследует содержание категории субъективной добросовестности в различных нормах Гражданского кодекса Российской Федерации. На основе анализа статей 234, 302, 335, 461, 475, 720, 903, 1104, 1107, 1155 ГК РФ автор показывает, что в используемый законодателем термин «добросовестность» («знал или мог/должен был знать») показывает существенные отличия в содержании в зависимости от регулируемого института. Установлено, что критерии добросовестности варьируются от строгого требования «не знал и не должен был знать» (добросовестный приобретатель) до значительно более мягкого стандарта, допускающего обычную осмотрительность участника оборота (давностное владение), либо, напротив, до повышенного стандарта профессиональной осведомлённости (скрытые недостатки в результатах работ).

Abstract. In this article, the author examines the category of subjective good faith in various provisions of the Civil Code of the Russian Federation. Based on an analysis of Articles 234, 302, 335, 461, 475, 720, 903, 1104, 1107, and 1155 of the Civil Code of the Russian Federation, the author demonstrates that the term "good faith" ("knew or could/should have known") used by legislators exhibits significant differences in content depending on the regulated institution. It has been established that the criteria of good faith vary from the strict requirement of "did not know and should not have known" (a bona fide purchaser) to a significantly more lenient standard, allowing for ordinary diligence on the part of a participant in the transaction (prescription), or, conversely, to a higher standard of professional awareness (hidden deficiencies in the results of work).

Ключевые слова: субъективная добросовестность, добросовестный приобретатель, давностное владение, добросовестный залогодержатель, скрытые недостатки, неосновательное обогащение, восстановление срока на принятие наследства, гражданское право.

Keywords: subjective good faith, bona fide purchaser, prescription, bona fide pledgee, hidden defects, unjust enrichment, restoration of the period for acceptance of inheritance, civil law.

Введение

Общий принцип добросовестности, закреплённый в п. 3 ст. 1 ГК РФ в качестве принципа всего гражданского законодательства, занимает центральное место в системе российского гражданского права [3]. В то же время его универсальность отнюдь не означает, что в рамках отдельных институтов он является содержательно однородным. Законодатель часто использует категорию добросовестности – а точнее, субъективную добрую совесть, описывающую внутреннее состояние лица в момент или после совершения юридически значимого действия, – в принципиально разных значениях.

В отличие от объективной добросовестности, представляющей собой стандарт поведения и используемой как генеральная клаузула (п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10 ГК РФ), субъективная добросовестность – знание, а обычно, скорее, извинительное незнание лицом определённых фактических обстоятельств [8]. Именно она выступает условием и критерием применения ряда специальных норм: о защите добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), добросовестном залогодержателе (ст. 335 ГК РФ), восстановлении срока на принятие наследства (ст. 1155 ГК РФ), ответственности за

скрытые недостатки (ст. 461, 475, 720, 903 ГК РФ), а также обязательствах из неосновательного обогащения (ст. 1104, 1107 ГК РФ).

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать различия в содержательном наполнении субъективной добросовестности в перечисленных нормах. Гипотеза исследования состоит в том, что терминологическое единство скрывает за собой разные стандарты осмотрительности, разные предметы знания и разные правовые последствия их установления.

Добросовестный приобретатель (ст. 302 ГК РФ): классическая модель

Норма п. 1 ст. 302 ГК РФ традиционно рассматривается как наиболее стандартная в понимании субъективной добросовестности в российском праве. А именно, с учетом необходимости выбытия имуществом посредством сделки по воле продавца, приобретатель признаётся добросовестным, если он не знал и не мог знать о том, что отчуждатель не вправе был отчуждать имущество. Эта лексическая формула – «не знал и не должен был знать» – образует двухкомпонентную структуру: фактическое незнание (*negativum*) плюс отсутствие оснований полагать иное при должной осмотрительности (*positivum*).

Стандарт осмотрительности, применяемый судами, первоначально был детализирован п. 38 Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 (далее – Пленум № 10/22) и Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П: бремя доказывания добросовестности ложилось на приобретателя, для чего он должен предпринять разумные меры по юридической проверке актива: ознакомиться с правоустанавливающими документами и сведениями реестров (ЕГРН, Реестра уведомлений о залогах и т.д.), проверить отсутствие пороков титула..

Подход изменился с принятием п. 3 ст. 1 и п. 5 ст. 10 ГК РФ, а также п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 закрепивших презумпцию добросовестности всех субъектов гражданского оборота. К.И. Скловский подчёркивает, что перераспределение бремени доказывания недобросовестности на собственника, истребующего вещь, отражает фундаментальный выбор правопорядка в пользу стабильности оборота [12].

Существенно, что знание или незнание оценивается строго на момент возмездного приобретения вещи, последующая осведомлённость значения не имеет – добросовестность является «моментным качеством» [11]. Именно эта модель – узкий предмет знания, развитый

стандарт должной осмотрительности, фиксированный момент оценки – служит точкой отсчёта при сравнении с иными нормами.

Давностное владение (ст. 234 ГК РФ) и добросовестный залогодержатель (ст. 335 ГК РФ)

Иное содержание добросовестность приобретает в институтах приобретательной давности и добросовестного залогодержателя.

Согласно п. 1 ст. 234 ГК РФ, лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее им как своим собственным в течение установленного срока, приобретает право собственности на это имущество.

Долгое время господствовал подход, установленный п. 15 Пленума №10/22: давностное владение признаётся добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Данный стандарт схож с установленным ст. 302 ГК РФ, однако фактически ограничивал применение нормы случаями получения имущества по сделке.

Дифференцировало критерий добросовестности в указанных институтах Постановление Конституционного суда РФ от 26.11.2020 № 48-П, в котором указано, что приобретательная давность способствует реализации в большей степени публично-правовых интересов (возвращение имущества в экономический оборот и т.п.), в связи с чем длительные сроки владения вещью предполагают, что давностный владелец способен знать или догадаться об отсутствии у него права собственности. В практике Верховного Суда РФ данный подход был развит [13], фактически заменив субъективное заблуждение о переходе права собственности права собственности требованием оформления перехода внешне правомерными действиями [1]. Иными словами, стандарт ст. 234 ГК РФ здесь существенно ослаблен и означает скорее «отсутствие злоупотребления и захвата».

Пункт 2 статьи 335 ГК РФ, защищающий залогодержателя, который не знал и не должен был знать о том, что вещь, переданная в залог, не принадлежит залогодателю на праве собственности или на ином праве на первый взгляд также построена по образцу ст. 302 ГК РФ.

Однако в отличие от добросовестного приобретателя залогодержатель не приобретает имущество в собственность – он получает обеспечительное право-обременение вещи. Указанное обстоятельство влияет на содержание стандарта осмотрительности: Р.С. Бевзенко отмечает, что суды учитывают профессиональный характер деятельности залогодержателя и предъявляют к нему повышенные требования по проверке

титула залогодателя – особенно при залоге недвижимости и иного регистрируемого имущества[2].

Кроме того, круг подлежащих проверке обстоятельств расширяется еще необходимостью установления права на передачу имущества залог при наличии иного права на вещь, нежели собственность.

В то же время, добросовестность залогодержателя оценивается на момент заключения договора залога, и впоследствии она не утрачивается добросовестности, но это влияет на возможность принудительной реализации обременения.

Восстановление срока на принятие наследства (ст. 1155 ГК РФ): добросовестность как уважительная причина

Принципиально иной аспект субъективной добросовестности раскрывается в статье 1155 ГК РФ, регулирующей восстановление пропущенного срока на принятие наследства: суд может восстановить срок, если наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил срок по другим уважительным причинам.

Предметом знания здесь является сам факт открытия наследства – событие, имеющее значение для приобретения права. С.Б. Серенко указывает, что уважительное бездействие в правоприменительной практике особых затруднений не вызывает, поскольку Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 сформулировало по этому поводу относительно понятный критерий – связь причины с личностью наследника, объективно препятствовавшей принятию наследства[10]. В то же время, исследователи отмечают, что сложившаяся судебная практика обнаруживает устойчивую тенденцию к смешению этих двух оснований и фактическому игнорированию субъективно-добросовестностной природы анализируемой конструкции Е.Г. Комиссарова утверждает, что фактически: преобладает упрощённый подход, при котором значимы лишь два момента – категория «уважительные причины» и обязанность соблюсти шестимесячный срок для обращения в суд после того, как причины опоздания у наследника отпали[7],

Стандарт осмотрительности при этом смягчён: судебная практика, учитывает фактические возможности конкретного наследника узнать об открытии наследства – характер родственных связей, географическую удалённость, состояние здоровья[14].

Скрытые недостатки как проявление субъективной добросовестности

Группа норм, посвящённых ответственности за скрытые недостатки, демонстрирует ещё одну вариацию субъективной добросовестности:

- по смыслу п. 1 ст. 461 ГК РФ продавец не отвечает за изъятие товара у покупателя, если докажет, что последний знал или должен был знать о наличии оснований изъятия;
- согласно п. 1 ст. 475 ГК РФ ответственность продавца за недостатки наступает, если они не были оговорены продавцом, причём о явных недостатках покупатель предполагается осведомлённым;
- п. 4 ст. 720 ГК РФ устанавливает, что заказчик, обнаруживший в результатах работ недостатки, которые не могли быть обнаружены при обычной приемке работ, вправе предъявить подрядчику претензии, в отличие от явных недостатков;
- в соответствии со ст. 903 ГК РФ поклажедатель обязан возместить хранителю убытки, причиненные свойствами сданной на хранение вещи, если хранитель, не знал и не должен был знать об этих свойствах.

Особенность данных положений состоит в оценке добросовестности как приобретателя/заказчика (не знал о недостатках, поэтому принял исполнение без возражений), так и продавца/хранителя (в случае незнания о дефектах предмета обязательства или недобросовестности контрагента) – тогда с него снимаются риски скрытых недостатков.

В.В. Витрянский отмечает, что стандарт ответственности дифференцируется в зависимости от профессионального статуса сторон: к подрядчику предъявляются более высокие требования по выявлению дефектов, чем к заказчику-непрофессионалу[4].

Неосновательное обогащение: добросовестность как граница ответственности

В кондиционных отношениях субъективная добросовестность неосновательно обогатившегося лица устанавливает границы его ответственности. Т.И. Илларионова указывает, что «недобросовестность имеет все существенные признаки вины», но при этом она «играет ту же роль» в системе мер защиты, что и вина – в системе мер ответственности[6].

Согласно п. 2 ст. 1104 ГК РФ, приобретатель отвечает перед потерпевшим за всякие, в том числе случайные, повреждения и недостачи имущества, произошедшие после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения; до этого момента он отвечает

лишь за умысел и грубую неосторожность. Аналогичным образом в силу п. 1 ст. 1107 ГК РФ лицо обязано возратить или возместить потерпевшему все доходы, которые оно извлекло или должно было извлечь с указанного выше момента.

Ещё одна особенность состоит в том, что добросовестность получателя оценивается не одномоментно (как, например, в ст. 302 ГК РФ), а отслеживается на всём протяжении обладания имуществом. Момент утраты добросовестности – получения знания – становится темпоральной границей, разделяющей два режима ответственности[5].

Стандарт осмотрительности в нормах главы 60 ГК РФ носит обычный характер, что согласуется с безвиновным характером ответственности при кондикции: от приобретателя не требуется повышенной инициативности по выяснению правовых оснований своего обогащения.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, субъективная добросовестность в ГК РФ не является однородной категорией: одинаковые лексические формулировки имеют под собой существенные различия в содержании, стандартах осмотрительности и правовых функциях. Добросовестность может относиться (i) к отсутствию у правомочия (ст. 302, 335 ГК РФ) или характеру владения (ст. 234 ГК РФ); (ii) к качеству предоставления (ст. 461, 475, 720, 903); (iii) к режиму ответственности (ст. 1104, 1107 ГК РФ); (г) к юридическому факту, открывающему правовую возможность (ст. 1155 ГК РФ).

Во-вторых, стандарт осмотрительность варьируется от минимального стандарта, ограниченного запретом захватного владения через обычную осмотрительность участника оборота до повышенного при объективной возможности проверки.

В-третьих, по моменту оценки возможна как одномоментная фиксация добросовестности, так и делящаяся, при утрате добросовестности меняющая режим имущества или ответственности.

Таким образом термин «добросовестность» в ГК РФ выполняет роль скорее обобщающего понятия: и попытки толковать все случаи его использования единообразно ведут к искажению регулятивного замысла соответствующих норм. В то же время дифференцированный подход должен опираться на системный анализ конкретных институтов и их взаимосвязи, что требует выработки общих доктринальных критериев.

Список литературы:

1. Багдасарян О.С. Концепция добросовестности владения при приобретательной давности в российской судебной практике. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 6. – С. 92–127.
2. Бевзенко Р.С. Залог недвижимости по российскому праву. // Москва: Статут, 2020. – 432 с.
3. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве : монография // Москва : Проспект, 2020. – 304 с.
4. Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. // Москва: Статут, 2011. – 1055 с.
5. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. / Москва: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.
6. Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Илларионова Т.И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 298 с.
7. Комиссарова Е. Г. Проблемы правоприменительного толкования правил ГК РФ о восстановлении срока на принятие наследства. // Наследственное право. – 2019. – № 2. – С. 28–35.
8. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 124–181.
9. Останина Е.А. Добросовестность давностного владельца: к вопросу о новых подходах в судебной практике // Закон. – 2021. – № 8. – С. 92–104.
10. Серенко С.Б. Восстановление срока для принятия наследства: сложные вопросы теории и практики. // Гражданское право. – 2024. – № 6. – С. 22–28.
11. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве / 5-е изд., перераб. // Москва: Статут, 2010. – 893 с.
12. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. /6-е изд., испр. // М.: Статут, 2024. – 895 с.
13. См., например, Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 78-КГ19-29, от 22.10.2019 № 4-КГ19-55, от 10.03.2020 № 84-КГ20-1, от 02.06.2020 № 4-КГ20-16.
14. См. Определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ по гражданским делам от 23.06.2015 г. № 5-КГ15-74, от 24.06.2025 № 5-КГ25-63-К2.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ АВТОРСТВА НА МЕДИАТЕКСТЫ, СОЗДАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Хисматуллина Юлия Ринатовна

магистрант 2 курса

группы М-Ю-ПОЦЭиИБ-ДОТ-24,

*ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»,*

*Высшая школа метаправа и искусственного интеллекта,
РФ, г. Москва*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема правового регулирования авторства относительно медиатекстов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта в контексте действующего российского законодательства. Осуществлен анализ противоречия между традиционной концепцией авторства (закрепленной в ст. 1257 ГК РФ, где субъектом авторских прав выступает исключительно физическое лицо) и реалиями цифровой эпохи, когда ИИ всё чаще становится не просто инструментом, но и активным участником творческого процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), генеративные модели, системы искусственного интеллекта, авторское право, субъекты авторского права, медиаконтент, текст, правовое регулирование, пробелы в законодательстве, российское законодательство.

Современные технологии искусственного интеллекта кардинально трансформируют процессы создания медиаконтента, генерируя новостные сводки, аналитические материалы и рекламные тексты с минимальным участием человека. Однако российское законодательство, закрепляющее авторские права исключительно за физическими лицами (ст. 1257 ГК РФ), оказалось не готово к вызовам цифровой эпохи. Правовая неопределенность возникает при попытке распределить права на произведения, где ИИ выступает не просто инструментом, но и активным участником творческого процесса. Отсутствие четких критериев для разграничения вклада человека и алгоритма приводит к судебным коллизиям при установлении ответственности за плагиат и определении правообладателей. Такая проблема создает риски для медиаиндустрии,

затрудняя коммерческое использование ИИ-контента и инвестиции в его развитие.

Историческое развитие авторского права в России формировалось, начиная с утверждения Цензурного устава 1828 года, который закреплял исключительные права за физическими лицами как создателями произведений. Эта традиция получила развитие в советском праве, где авторство трактовалось как «результат творческого труда гражданина» [12]. Современное российское законодательство сохраняет преемственность традиционной модели, закрепляя в статье 1257 ГК РФ положение о том, что автором признается «гражданин, творческим трудом которого создано произведение» [1]. Данная формулировка исключает возможность признания юридических лиц или технических систем субъектами авторских прав, что создает концептуальные ограничения для регулирования ИИ-генерируемого контента.

Современные правовые доктрины сталкиваются с необходимостью пересмотра традиционных подходов в условиях генерации медиатекстов системами искусственного интеллекта. Действующая редакция Гражданского кодекса РФ не содержит специальных норм, регулирующих статус произведений, созданных без непосредственного творческого участия человека. Это создает правовую неопределенность в вопросах установления правообладателя и объема исключительных прав на объекты подобного рода. Правовая квалификация ИИ-генерируемых текстов осложняется отсутствием в российском законодательстве критериев для разграничения творческого вклада человека и алгоритмической деятельности системы. Существующая судебная практика продолжает исходить из традиционной парадигмы, требуя доказательств «творческих усилий физического лица» [1] для признания объекта охраноспособным, что не соответствует технологическим реалиям создания медиаконтента.

На практике современные ИИ-системы выполняют функции отбора, генерации и композиции содержательного материала с высокой степенью автономии, что приближает их к роли активного участника творческого акта. Такое расхождение между формальной квалификацией и фактической функциональностью приводит к несоответствию правового режима и реальных механизмов создания контента. В результате возникает необходимость корректировки правовых категорий для адекватного отражения вклада ИИ в медиатексты. Отсутствие четких и общепринятых критериев разграничения вклада человека и вклада ИИ затрудняет квалификацию соавторства и установление правообладателя на медиатексты.

Отсутствие статуса правового субъекта для ИИ означает, что права и обязанности, связанные с созданными им медиатекстами, не могут быть прямо возложены на саму систему, что затрудняет определение носителя исключительных прав и ответственности. В практическом плане это порождает коллизию интересов между пользователями, разработчиками и возможными правообладателями, требующую разработки специализированных правовых механизмов. Следствием является необходимость выработки адаптивных решений, таких как установление особого режима правовой охраны или четкое закрепление прав за конкретными лицами, участвующими в процессе создания.

Анализ судебной практики в России выявляет существенные расхождения в подходах к квалификации медиатекстов, созданных с использованием ИИ. В ряде дел суды признавали такие произведения объектами авторского права при наличии значительного творческого вклада человека, тогда как в других случаях отказывали в правовой охране, ссылаясь на отсутствие человеческого авторства. Подобная противоречивость особенно заметна при оценке текстов, генерируемых нейросетевыми алгоритмами без прямого вмешательства человека. Отсутствие четких критериев приводит к правовой неопределенности при разрешении споров. Проблема усугубляется неоднозначным толкованием критерия творческого характера произведения применительно к ИИ-генерируемому контенту.

В практике Арбитражного суда Москвы был зафиксирован случай отказа в защите прав на текст, созданных алгоритмом, поскольку суд не признал творческий вклад системы ИИ. Однако в деле о защите компьютерной игры Мосгорсуд допустил возможность соавторства человека и алгоритма, что указывает на противоречивую трактовку норм ГК РФ. Такая несогласованность создает риски для правообладателей и препятствует развитию цифровых технологий.

Отсутствие нормативного закрепления критериев распределения прав создает препятствия для защиты интересов разработчиков ИИ и пользователей систем. Сложность определения ответственных субъектов дополнительно осложняет правоприменительную практику. В случае нарушений с использованием ИИ-генерируемого контента неясно, кто должен нести ответственность: разработчик алгоритма, владелец системы или пользователь, инициировавший создание текста. Отсутствие законодательно установленных правил распределения ответственности ведет к судебным ошибкам и злоупотреблениям.

Совершенствование гражданского законодательства требует внедрения специальных критериев для оценки творческого вклада человека при создании медиатекстов с использованием ИИ. Ключевыми

параметрами должны стать степень контроля автора над процессом генерации контента и оригинальность творческого замысла, заложенного в алгоритм. Данные критерии позволят объективно оценивать произведения, созданные при непосредственном участии человека, от полностью автоматизированных результатов. Введение подобных норм в статью 1257 ГК РФ обеспечит правовую определенность в вопросах установления авторства. Степень контроля подразумевает анализ участия человека на всех этапах создания медиатекста: от формулировки исходных параметров до финального редактирования результата. Оригинальность замысла должна оцениваться через призму уникальности творческих решений, воплощенных в алгоритмических инструкциях. Такой подход соответствует принципу «творчества в выборе и расположении материала» [1], заложенному в современной доктрине авторского права. Указанные критерии создадут правовые основания для признания авторства за лицом, чей творческий вклад носит определяющий характер.

Для медиатекстов, созданных исключительно ИИ без творческого участия человека, требуется установить специальный правовой режим. Целесообразно рассматривать такие объекты либо как охраняемые в рамках смежных прав, либо относить их к публичному достоянию. Первый вариант предполагает предоставление ограниченной охраны по аналогии с правами производителей баз данных, что стимулирует инвестиции в разработку ИИ-систем. Второй подход соответствует концепции свободного использования технологически сгенерированного контента в общественных интересах. Выбор между смежными правами и статусом публичного достояния должен определяться экономической и социальной целесообразностью. Закрепление ограниченных исключительных прав может применяться для коммерчески значимых ИИ-генераций, требующих защиты инвестиций. Для массовых информационных продуктов предпочтительнее режим публичного достояния, обеспечивающий широкий доступ к контенту. Вне зависимости от избранной модели, законодательное закрепление особого статуса ИИ-генераций устранил существующую правовую неопределенность.

Введение обязательной системы маркировки ИИ-генерируемого контента направлено на обеспечение прозрачности происхождения медиатекстов и идентификацию правообладателя. Такая маркировка должна содержать сведения о создавшей тот или иной контент системе, о лицах или организациях, владеющих правами, и об условиях использования произведения. Указанные данные позволят пользователям и правоохранительным органам оперативно устанавливать правообладателя и правовой режим конкретного медиатекста. Техническая реализация маркировки может базироваться на стандартизированных

метаданных и криптографических подписях, интегрируемых в файл или поток контента, что обеспечит целостность и доказуемость подлинности произведения. Система отметок должна сочетаться с регуляторными требованиями и санкциями за отсутствие или фальсификацию маркировки, а также предусматривать механизм обновления данных при передаче прав или заключении лицензионных соглашений. Введение единого формата маркировки упростит взаимодействие между платформами, правообладателями и пользователями, способствуя эффективной защите авторских прав. Маркировка также должна обеспечивать машинно-читаемую информацию для автоматизированных систем модерации и учёта прав, что повысит эффективность превентивных мер по предупреждению нарушений. В стандарте маркировки следует предусмотреть поля для указания обучающих данных и версии модели, участвовавшей в генерации контента, что важно для разграничения вклада человека и алгоритма. Наличие таких сведений облегчит установление ответственности и позволит корректировать лицензионные условия в зависимости от степени участия человека в творческом процессе.

Усиление ответственности платформ-распространителей за публикацию медиатекстов, созданных ИИ, выступает важным инструментом защиты авторских прав в цифровой среде. Вводимые требования должны включать обязанности по внедрению эффективных систем идентификации и блокировки контента, по оперативной обработке уведомлений о нарушениях и по ведению прозрачной отчетности о принимаемых мерах. Повышение ответственности должно сочетаться с четкими критериями добросовестности и пропорциональными санкциями, чтобы стимулировать платформы к превентивным действиям без нанесения неоправданного ущерба инфраструктуре распространения.

Создание специализированного реестра для фиксации прав на уникальные алгоритмы и обучающие данные позволит формализовать правоотношения и облегчить процесс доказательств прав при возникновении споров. Реестр может выполнять функцию официального свидетельства о наличии авторских прав, фиксировать метаданные о происхождении обучающих наборов и условиях их использования, а также содержать сведения о лицензионных ограничениях. Наличие такого реестра повысит прозрачность рынка разрешений на инструменты искусственного интеллекта и создаст предпосылки для эффективного лицензирования, судебной защиты и урегулирования коммерческих споров.

Разработанные предложения по модернизации законодательства включают в себя введение дифференцированных критериев для определения правового статуса ИИ-соавторства и механизмов

документальной фиксации человеческого творческого вклада. Предлагаемые изменения в Гражданский кодекс РФ направлены на устранение ключевых пробелов в регулировании медиатекстов, созданных с использованием алгоритмических систем. Эти меры позволят четко разграничить зоны ответственности и права различных участников творческого процесса.

Реализация предложенных законодательных инициатив создаст основу для баланса интересов разработчиков ИИ-технологий, создателей контента и правообладателей. Установление чётких правил определения авторства обеспечит правовую определенность, необходимую для устойчивого развития цифровой медиаиндустрии в России. Это будет способствовать как защите интеллектуальных прав, так и стимулированию инноваций в сфере искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.
2. Вишневский Ю.В. Регламентация и способы применения цифровых (информационных) технологий для защиты прав авторов // Правовая парадигма. – 2024. – №3. – С. 140–147.
3. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. – Москва: Юриспруденция, 2014. – 552 с.
4. Гущин Д.М. Международно-правовой анализ авторского права на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта // Вестник гуманитарного университета. – 2025. – №3. – С. 132–141.
5. Калятин В.О. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
6. Карцхия А.А. Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Информационное право. – 2020. – №1. – С. 45–50.
7. Комашко М.Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. – 2022. – №3. – С. 98–107.
8. Кузьмин И.О. Проблема правовой охраны данных, используемых для обучения систем искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. – 2025. – №10. – С. 204–212.

9. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С. и др. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам. – Москва: Проспект, 2022. – 104 с.
10. Никитина А.П. Произведения нейросети как объект авторского права в контексте перспектив развития права интеллектуальной собственности в России // Вопросы российского и международного права. – 2024. – №9. – С. 212–216.
11. Радаева С.В., Агафонова Н.Ю. Цифровизация судебной власти как фактор повышения эффективности правосудия // Вопросы российского и международного права. – 2025. – №3. – С. 178–188.
12. Ракоч О.Е., Тимонина В.Д. Правовое регулирование авторских прав и интеллектуальной собственности в бизнесе на социальных медиа // Вестник евразийской науки. – 2024. – С. 1–10.
13. Сурова Н.Ю., Косов М.Е. Искусственный интеллект. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 407 с.
14. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). – Москва: Статут, 2017. – 216 с.

4.2. КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

РЕШЕНИЕ СИТУАЦИИ ДЕДЛОКА В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ

Малыгин Антон Алексеевич

студент,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет,
РФ, г. Санкт-Петербург

Терентьев Алексей Викторович

научный руководитель, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет,
РФ, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового определения дедлока в корпоративных спорах и его регулирования. Анализируются различные правовые подходы к разрешению дедлока, включая механизмы, предусмотренные законодательством, и корпоративные процедуры. Особое внимание уделяется судебным и внесудебным способам выхода из дедлока, таким как переговоры, медиация, арбитраж и голосование.

Автором рассматриваются примеры из практики, иллюстрирующие эффективность различных методов разрешения дедлоков.

Ключевые слова: корпоративные отношения; корпоративные споры, дедлок, медиация, переговоры, опционный договор, защита интересов корпорации.

Российское корпоративное законодательство продолжает развиваться по пути наибольшего обеспечения и защиты прав участников корпоративных отношений, однако в настоящий момент всё еще имеет некоторые области, оставшиеся в тени правового регулирования. Как правило, образовавшийся правовой вакуум заполняется актами,

принимаемыми корпорацией (её участниками), путем внесения определенных правил в учредительные и иные внутренние документы корпорации.

В начале нашего исследования мы придерживаемся узкого понимания корпоративных отношений, и к числу участников таких отношений относим «корпорацию, ее участников и ее органы» [8].

Анализ правоприменительной практики показывает, что, к сожалению, многие причины корпоративных конфликтов вытекают не столько из имущественных, сколько из личной заинтересованности конкретных участников корпорации (потребность в единоличном управлении обществом, устранении внутренней конкуренции и пр.). Подобные конфликты могут возникнуть внезапно, осложнены личными интересами сторон и, соответственно, нуждаются в разрешении путем внесения в корпоративные договоры механизмов их разрешения (преодоления).

Одним из следствий корпоративных споров является «дедлок» (тупик), то есть ситуация, при которой участники, занимающие разную (как правило, диаметрально противоположную) позицию в отношении управления общества, блокируют дальнейшую работу организации в процессе голосования.

Как правило, участники с равным количеством долей (акций) предлагают отличные позиции по вопросам управления обществом, из-за чего стороны не могут прийти к какому-то решению проблемы, вследствие чего деятельность общества остается замороженной. В таком случае разрешение конфликта зависит от поведения ее участников.

Подобный конфликт возможен не только между двумя мажоритарными акционерами, но и «в обществе с миноритарным участием (например, 80/20), поскольку у миноритарного партнера почти всегда есть право вето по определенным вопросам компетенции органов управления общества, пусть и немногочисленным (например, увеличение уставного капитала, изменение основного вида деятельности СП, отчуждение большей части активов СП и пр.)» [2].

В настоящий момент правовой доктриной, с учетом практики разрешения тупиковых ситуаций, выработано несколько правовых механизмов по разрешению таких ситуаций. Рассмотрим их.

Ликвидация корпорации. В случае прекращения любых деловых взаимоотношений между участниками, участники могут ликвидировать корпорацию. Это достаточно радикальный способ решения ситуации, при котором конфликт прекращается в связи с ликвидацией, но не решается сама проблема взаимоотношений между участниками корпорации.

Однако такой способ суды используют лишь в случае отсутствия иных способов разрешения тупика. Например, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в своем Постановлении отметил, что: «в ходе рассмотрения корпоративного спора между проголосовавшими по вопросу пересмотра способа управления обществом, суды констатировали наличие в обществе кризиса корпоративных отношений его участников, имеющих равное количество акций (по 50%), высокую степень недоверия между ними, непреодолимые разногласия в вопросах управления обществом, невозможность продолжения такого управления на корпоративных началах.

Суд сделал вывод, что ликвидация ЗАО – это единственный способ разрешения возникшего корпоративного конфликта» [5].

Банкротство корпорации. Иная ситуация, если участник корпорации, при уже длительном «простое» бизнеса и неуплате по обязательствам общества признает его банкротом. Иногда такое решение является способом манипуляций на рынке.

Так, при уже возникшем конфликте между участниками, один из них может заключать заведомо «гиблые» сделки для общества, с целью перевода всех активов в будущую единоличную компанию: «пока один партнер добивается возврата контроля над бизнесом в судебных баталиях, второй (тот, который у «руля») уже создает «зеркальный бизнес» и выводит туда клиентов, забирает лучших сотрудников, обесценивая бизнес» [1].

Такой способ в том числе портит репутацию будущего конкурента. Более того, даже если лицо сможет выбраться из сложившейся ситуации, репутационные издержки, в том числе и судебные споры участников общества, негативно отразятся на деловой репутации как первого общества, так и потенциально будущего преобразованного, так как подобные дела могут оттолкнуть потенциальных контрагентов в связи с возможной организационно-управленческой неустойчивостью общества.

Оба способа решения конфликта сложно назвать продуктивным, так как они не решают возникший конфликт. Что в случае ликвидации, что в случае банкротства общества участники по сути не получают никакого решения в своих противоречиях, их контрагенты лишаются налаженной цепочки партнеров, и такой выход не удовлетворяет интересы общества и третьих лиц.

Рассматривая позицию Верховного Суда РФ в решении подобных споров, мы видим его старания ограничить количество ликвидаций по таким конфликтам, чтобы участники решали конфликтную ситуацию иным способом.

Таким образом, ликвидация является самым радикальным способом, и не решает тупиковых ситуаций. ВС РФ прямо указывает на то, что «ликвидация – не самый лучший вариант решения конфликта, и его применение уместно только в случае отсутствия возможности решить конфликт иначе» [6].

Участникам корпоративных отношений следует находить пути решения назревшей проблемы, а не «избегать» этого ликвидацией юридического лица в тупиковой ситуации.

Исключение участника (выкуп доли/акции). О таком способе решения дедлока также упоминает Верховный Суд РФ в некоторых своих позициях, и указывает на исключение участника как возможность решения корпоративного спора только в случае предоставления доказательств нежелания исключаемой стороны найти способ решения ситуации – то есть при «глухой обороне» исключаемого участника: «в качестве способа разрешения корпоративного конфликта..., когда все иные меры для разрешения корпоративного конфликта (добровольный выход участника из состава участников юридического лица, избрание нового лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа и т.д.) исчерпаны или их применение невозможно» [7].

В отдельных законах, например в Гражданском кодексе РФ или в ФЗ «Об Обществах с ограниченной ответственностью» предусмотрена возможность такого решения конфликта лишь при недобросовестном поведении участника. Однако что делать, если обе стороны в данном конфликте действуют добросовестно, однако ущерб корпорации продолжает наноситься?

Практика корпоративных отношений вынудила участников корпораций разработать свои способы разрешения тупиковых ситуаций.

Эффективным видится **применение механизма принудительного выкупа доли (принятие встречных условий)** – то есть представление оферты между сторонами на отчуждение части своих долей по установленным ценам с последующим выкупом стороной такой доли.

Такой способ решает вопрос блокировки деятельности общества, так как обе стороны по замыслу такой операции удовлетворяют свои интересы: покупатель обладает монопольным правом принятия решения в собственных интересах, а продавец получает имущественные преференции от покупателя, чем, возможно, решает свои личные опасения относительно рискованности совершаемой оппонентом операции, если речь идет о «подстраховке» своего имущества в доли общества.

В качестве решения спора встречными условиями, международная практика выработала следующие модели:

«Русская рулетка»: «при возникновении тупиковой ситуации каждый из участников корпоративного договора имеет право направить другому участнику предложение о выкупе половины доли с указанием цены.

Другой участник может либо продать свою долю по названной цене, либо потребовать, чтобы по той же самой цене доля была приобретена у него» [4].

В таком варианте есть и свои минусы. Самым явным представляется риск нежелания одной из сторон полностью отказываться от управления обществом, так как ее интересы могут выходить из сугубо имущественных в плоскость личностных, репутационных и иных.

Такой способ пришел из английского договорного права и еще недостаточно прижился в российской правовой системе, однако в практиках других стран континентального права уже присутствуют не только легальные толкования, но и сформировавшиеся позиции судов.

Например, в Италии суды уже разрешали споры, связанные с разрешением тупиковых ситуаций [12]. Одной из возникших проблем в применении такого способа разрешения конфликта в странах континентального права являлась проблема определения цены выкупа при принятии встречных условий. В разрешении данного вопроса итальянский суд указал следующее: «в п. 2 ст. 2437 Гражданского кодекса Италии указывается возможность применения правил оценки активов по ликвидационной стоимости, а не по рыночной стоимости предприятия в том числе и при продаже доли сторонам» [9].

В российской правовой системе также существует возможность решения тупиковых ситуаций встречными условиями. При возникновении аналогичного вопроса об определении цены, наше законодательство не противоречит позиции итальянского законодательства, однако в российском праве отсутствует закрепленный механизм определения ликвидационной стоимости, что выявляет проблематичность определения цены выкупа. Однако, общий механизм реализуем, а значит, в теории, в ходе совершенствования законодательства в этом направлении (что будет полезно и в разгрузке судебного аппарата), рулетки также смогут применяться российским законодательством при решении конфликта.

Рассматривая возможность применения подобного механизма разрешения тупиковых ситуаций в России, наиболее эффективной правовой конструкцией для предъявления требований являлся бы опционный договор [3].

Опционный договор мог бы предусматривать возможность купли-продажи акций не по наступлению соглашения, а с факта наступления последствий.

Такое положение является более предпочтительным, чем опцион на заключение договора, так как стороны уже будут обременены договорными обязательствами, а не правом принятия опциона как оферты.

Стоит в том числе и учитывать финансовое положение оппонента. Как указывалось выше, конфликт может возникнуть в том числе и не между равными субъектами, но и лицами с неравной долей. В сходном корпоративном конфликте, суды ФРГ установили следующее: «для защиты прав владельца меньшей доли при назначении цены продажи продавцом-мажоритарием применяется принцип добросовестности, если сторона знала о финансовом положении покупателя. Учитывая возможность перехода предложения продавца ему же в случае отказа покупателя от выкупа его доли, обеспечивается разумность установленной цены продавцом» [11].

«Техасская перестрелка»: каждая из сторон направляет независимому медиатору запечатанное предложение цены, по которой она готова приобрести долю другой стороны. Конверты вскрываются одновременно, после чего выигрывает заявка с наибольшей ценой. Лицо, подавшее такую заявку, обязано купить, а другая сторона – продать свои акции по указанной цене. В данном способе защищаются имущественные интересы продавца, так как, отказываясь от доли, он получает денежные средства в достаточно выгодном количестве. Более того, при конфликте 50/50 для принятия решения достаточно предъявления требований лишь по части доли, что сохранит право участия у оппонента и поможет выйти из конфликта.

Помощь медиатора. В разрешении споров внесудебным методом используют так называемых медиаторов. Такой способ решения споров используется не только в корпоративных спорах, но и в иных правовых конфликтах, в том числе и судами общей юрисдикции. При выборе такого метода следует учитывать, что при решении корпоративных споров со сложными экономическими структурами и большим блоком правовых вопросов, медиатор может не только не помочь, но и навредить организации и ее членам: например, предложить невыгодный или незаконный способ решения вопроса. По этой причине помощь медиатора стоит применять только в сугубо межличностном конфликте, возможно, даже не связанным с корпорацией, но не в случае с серьезными бизнес-конфликтами из-за недостаточной подготовки медиатора.

Институт независимого директора. В США существует практика решения корпоративных споров путем назначения независимого

директора или директоров. Такие положения моментально поднимают репутационный потенциал компании, а также обеспечивают ее избавление от случившейся ситуации путем голосования независимых директоров отдельным правом голоса, способным перекрыть уже сформировавшийся дедлок в обществе. Согласно законодательству многих штатов, а также правил листинга на крупнейших фондовых биржах, наличие отдела независимой директуры – обязательное условие для размещения ценных бумаг на Нью-Йоркской фондовой бирже и занесения общества в список крупнейших по капитализации надежных компаний страны (SNP500) [10].

В этом способе стороны назначают независимого директора, который не имеет личной заинтересованности, но несет обязательства в разумном управлении корпорацией, и, в свою очередь, принимает решения.

Данный способ иногда имеет и свои недостатки. Так, многие миноритарии сомневались в независимости директора, так как в некоторых компаниях участвовали бывшие коллеги по управлению иным бизнесом.

Для решения такой неоднозначной ситуации «бывшей» соподчиненности лиц, приняты и сроки, после которых лица считаются не взаимозависимыми – три года после прекращения совместной деятельности [13].

Такой способ также имеет некоторые вопросы в независимости директоров, но все же может обеспечить как минимум единичный, уже сформировавшийся конфликт, который может привести или уже привел к тупику.

Проанализировав положения законодательства и судебную практику в России, других странах, мы видим актуальность существующей проблемы для корпораций. Отсутствие в законодательстве положений о потенциальной проблеме и ее признаков ставит участников в затруднительное положение, которое не имеет какого-то общего решения или хотя бы единого вектора предотвращения и разрешения конфликта.

Появившийся вид корпоративного конфликта ставит новые вызовы несовершенствам российской практики решения споров участниками и судами.

Попытки разрешения подобных ситуаций Верховным Судом РФ путем «жертвования» участником или всем обществом уже показывает серьезность возникшей проблемы и неподготовленности судов к более рациональным выходам из конфликта. Разрешение тупиков, по мнению Верховного Суда РФ, должно решаться преимущественно путем переговоров и иных способов решения конфликта без ликвидации

корпорации, то есть возможность применения указанных в статье способов решения конфликта без прекращения деятельности общества – это выход, который будет интересен всем лицам.

Сложившийся правовой вакуум нужно решать путем законодательных изменений. Так, установление в нормах понятия «дедлока», или тупика, а также его признаков, в том числе и путем трансформирования иностранных правовых норм, с учетом уже сложившегося опыта, смогло бы выполнять как превентивную, так и регулирующую функции. Субъекты бы самостоятельно смогли определять свое поведение в подобной ситуации в зависимости от их личных соображений. Также в целях разгрузки судебной системы стоит внести поправки в законодательство об обязательном досудебном урегулировании тупиковых ситуаций способами, которые стороны могли бы выбрать самостоятельно.

Такие решения смогли бы защитить рентабельные организации от неэкономических угроз, частично решить проблему загруженности арбитражных судов, помочь государству сохранить благоприятную предпринимательскую среду.

Список литературы:

1. Гладышева Е.В. Банкротство компании вследствие корпоративного конфликта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-kompanii-vsledstvie-korporativnogo-konflikta/viewer> (дата обращения: 25.04.2025).
2. Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. – 672 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. 1994. № 238-239.
4. Козлова Н.В. Deadlock: корпоративное соглашение как способ избежать конфликта // Юрист компании. 2016. № 12. URL: <https://www.law.ru/article/5722-deadlock-korporativnoe-soglashen-kak-sposob-izbejat-konflikta> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.09.2015 по делу № А46-12003/2014. URL: <https://faszso.arbitr.ru> (дата обращения: 22.04.2025).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (абз. 3 п. 29) // Российская газета. 2015. № 140.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (абз. 4 п. 29) // Российская газета. 2015. № 140.
8. Терентьев А.В. О понятии корпоративных отношений в современном российском законодательстве // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 3. С. 41.
9. Capo 2 Art 2437 Codice civile (approvato con Regio Decreto del 16 marzo 1942, n. 262). URL: <https://www.wipolex.it> (дата обращения: 25.04.2025).
10. Independent Directors, 303A.00 Corporate Governance Standards, Section 3 Corporate Responsibility – The New York Stock Exchange Listed Company Manual [Chapter 6 of The New York Stock Exchange; Approved Dec. 23rd, 1953; 38 Stat. 251]. URL: <https://www.nyse.com> (дата обращения: 21.04.2025).
11. Nella giurisprudenza si segnala che l'Alta Corte di Norimberga (OLG Nueremburg, 20/12/2013). URL: <https://www.olgnueremburg.de> (дата обращения: 25.04.2025).
12. REPUBBLICA ITALIANA LA CORTE SUPREMA «In nome del Popolo Italiano Di Cassazione Sezione Prima Civile», C. 36 // Data pubblicazione 25/07/2023. URL: <https://www.lacortesuprema.it> (дата обращения: 25.04.2025).
13. The New York Stock Exchange Listed Company Manual [Chapter 6 of The New York Stock Exchange; Approved Dec. 23rd, 1953; 38 Stat. 251]. URL: <https://www.nyse.com> (дата обращения: 21.04.2025).

4.3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ, ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР И МЕР ДОБРОВОЛЬНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛИ НЕФТЕДОБЫЧИ)

Захаров Александр Викторович

аспирант,

АНО ВО «Славяно-Греко-Латинская Академия»,

РФ, г. Москва

CURRENT ISSUES OF THE IMPACT OF INTERNATIONAL SANCTIONS, UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES, AND VOLUNTARY SUSPENSION OF COOPERATION ON TECHNOLOGY TRANSFER (USING THE OIL PRODUCTION SECTOR AS A CASE STUDY)

Zakharov Alexander Viktorovich

Postgraduate Student,

ANO HE "Slavic-Greek-Latin Academy",

Russia, Moscow

Аннотация. В статье исследуется влияние международных санкций, односторонних ограничительных мер, а также мер добровольного прекращения сотрудничества на правовое регулирование прав на объекты интеллектуальной собственности в нефтедобывающем секторе. Целью работы является выявление воздействия на технологический суверенитет страны применения международных санкций, односторонних ограничительных мер, а также мер добровольного прекращения сотрудничества. Показано, что усиление давления односторонних ограничительных мер, а также мер добровольного прекращения сотрудничества приводит к фрагментации международных правовых режимов и ограничению трансфера технологий.

Abstract. The article examines the impact of international sanctions, unilateral restrictive measures, as well as measures involving the voluntary suspension of cooperation on the legal regulation of intellectual property rights in the oil production sector. The purpose of the study is to identify the effects of the application of international sanctions, unilateral restrictive measures, and voluntary suspension of cooperation on a country's technological sovereignty. It is shown that the increasing pressure of unilateral restrictive measures, along with measures of voluntary suspension of cooperation, leads to the fragmentation of international legal regimes and the restriction of technology transfer.

Ключевые слова: международные санкции, односторонние ограничительные меры: меры добровольного прекращения сотрудничества: технологический суверенитет.

Keywords: international sanctions, unilateral restrictive measures, voluntary suspension of cooperation measures, technological sovereignty.

Современный этап развития международно-правовых отношений в значительной степени характеризуется стремительным увеличением количества случаев наложения как международных санкций по линии Совета Безопасности ООН, так и все более частым использованием односторонних ограничительных мер со стороны субъектов международного права.

С точки зрения общей теории международного права, международные санкции, налагаемые по линии Совета Безопасности ООН, рассматриваются как инструмент поддержания международного мира и безопасности. Данный инструмент применяется Советом Безопасности ООН в соответствии с главой VII Устава ООН [4]. Международные санкции обладают легитимностью универсального характера и обязательны для исполнения всеми государствами-членами ООН.

В отличие от санкций СБ ООН, односторонние ограничительные меры вводятся в действие отдельными субъектами международного права, и по этой причине их применение вызывает в научной среде дискуссии относительно их легитимности.

Односторонние ограничительные меры могут обладать экстерриториальным характером, распространяя своё действие на третьи государства, а также на субъекты экономических правоотношений. Экстерриториальность односторонних ограничительных мер приводит к конфликтам юрисдикций, когда коммерческие компании вынуждены выбирать между соблюдением требований различных правовых систем.

Также, серьезной проблемой является влияние таких односторонних ограничительных мер на частноправовые отношения, включая лицензионные соглашения, договоры о передаче технологий и использовании объектов интеллектуальной собственности. Как отмечают многие авторы, происходит «сдвиг режимов» международного регулирования использования объектов интеллектуальной собственности, при котором политические инструменты начинают доминировать над правовыми механизмами [6].

В период с 2014 года по настоящее время исключительную степень актуальности получила проблематика использования мер добровольного прекращения сотрудничества субъектами международной коммерческой деятельности. При этом, использование таких мер зачастую имеет в качестве правового обоснования ранее наложенные односторонние ограничительные меры.

В качестве характерного примера внешне-политически мотивированного применения мер добровольного прекращения сотрудничества можно привести добровольный уход транснациональных корпораций с рынков государств, ставших мишенями для применения против них односторонних ограничительных мер. Это явление часто обозначается как «приватизация односторонних ограничительных мер», поскольку частные субъекты фактически реализуют политику применения односторонних ограничительных мер в рамках прямого государственного принуждения. Само государственное принуждение выражается в введение в действие нормативных актов на уровне национального законодательства, легализующих наложение односторонних ограничительных мер.

На практике применение мер добровольного прекращения сотрудничества зачастую выражается в расторжении лицензионных соглашений, отказе от технической поддержки и обновлений программного обеспечения, а также в прекращении участия иностранных специалистов в инфраструктурных и инвестиционных проектах.

Как отмечается в исследовании Чу-Пинг Ло, подобные меры приводят к системному снижению научно-технологического потенциала определенной отрасли экономики субъекта международных отношений, в отношении которого они применяются [8].

Особенно сильно влияние мер добровольного прекращения сотрудничества на экономические системы таких субъектов международно-правовых отношений как Россия, Венесуэла, Иран [7], и Ливия.

На практике это выражается в расторжении лицензионных соглашений, отказе от технической поддержки и обновлений программного обеспечения, а также в прекращении участия иностранных специалистов в проектах

Начиная с 24 февраля 2022 года ощутимый эффект влияния мер добровольного прекращения сотрудничества был отмечен в высокотехнологичной и такой стратегически значимой для России отрасли экономики как добыча нефти.

Действие односторонних ограничительных мер, наложенных недружественными западными странами, было значительно усилено действием внешне-политически мотивированных мер добровольного прекращения сотрудничества и затронуло в том числе сферу интеллектуальной собственности, которая выступает ключевым элементом технологического развития отрасли нефтедобычи.

Нефтедобывающий сектор экономики практически любой из стран, экспортирующих большой объем углеводородного сырья, в высокой степени зависит от сложных инженерных решений, программного обеспечения, а также от поставок технологий и сервисного оборудования, защищаемых механизмами правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. Подобная зависимость от внешних факторов делает этот сектор экономики чрезвычайно уязвимым к ограничениям трансфера технологий.

Нефтедобывающий сектор экономики практически любой страны характеризуется высокой технологической сложностью, что обуславливает разнообразие используемых объектов интеллектуальной собственности. К числу таких объектов интеллектуальной собственности относятся в первую очередь: патенты на технологии бурения, добычи и переработки углеводородов, ноу-хау, включающие технологические процессы и инженерные решения, программное обеспечение, используемое для геологоразведки, моделирования и управления добычей.

Международный трансфер высоких технологий является ключевым механизмом развития отрасли добычи нефти. На международном уровне трансфер технологий осуществляется через: лицензионные соглашения, создание совместных предприятий, сервисные контракты с участием международных коммерческих компаний.

Известный исследователь в области права интеллектуальной собственности Фрейг Ализада, подчёркивает, что защита ноу-хау играет центральную роль в таких отношениях, поскольку значительная часть технологий не подлежит патентованию и передаётся в рамках конфиденциальных соглашений [5].

Основу международного регулирования использования объектов интеллектуальной собственности составляет Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС / TRIPS), действующее в рамках ВТО [2]. Оно устанавливает минимальные стандарты защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и

способствует унификации правовых режимов, применяемых для такой защиты.

Дополнительную роль играют двусторонние инвестиционные соглашения, обеспечивающие защиту прав инвесторов, включая права на объекты интеллектуальной собственности.

Особенность именно отрасли нефтедобычи заключается в высокой стоимости разработки технологий и их критической роли для эффективности производства.

В более широком смысле, зависимость от упомянутых выше внешних факторов, приводит к снижению уровня технологического суверенитета страны.

Применение односторонних ограничительных мер и мер добровольного прекращения сотрудничества выявляет ряд противоречий в международном праве. В частности, возникает конфликт между указанными мерами и обязательствами государств в рамках ТРИПС, предусматривающими защиту прав пользователей объектов интеллектуальной собственности.

Дополнительной проблемой является необходимость баланса между защитой прав на объекты интеллектуальной собственности и публичными интересами, включая национальную безопасность и экономическое развитие.

В рамках настоящего исследования необходимо отметить, властями Российской Федерации приняты несколько основополагающих нормативных правовых актов, имеющих целью укрепление технологического суверенитета страны.

К числу указанных выше нормативных правовых актов относится в частности Указ Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 года, которым была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Пунктом 75 Стратегия национальной безопасности РФ установлено, что «целью научно-технического развития Российской Федерации является обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны» [3].

Также, в рамках процесса развития и укрепления технологического суверенитета страны, Правительством Российской Федерации было принято Постановление № 603 от 15 апреля 2023 г. Данным Постановлением были утверждены приоритетные направления проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации. Разделом 5 указанного Постановления к числу приоритетных направлений проектов технологического суверенитета отнесено «Нефтегазовое машиностроение», включая технологии, технику и сервисные услуги для бурения и геологоразведки, а

также производство для разработки морских, шельфовых и арктических проектов [1].

Проведённое исследование показывает, что односторонние ограничительные меры, а также меры добровольного прекращения сотрудничества оказывают комплексное воздействие на международные отношения в сфере интеллектуальной собственности в нефтедобывающем секторе экономики. Они затрагивают не только экономические аспекты, но и оказывают воздействие на сущность современных международно-правовых режимов, а также на существующие механизмы сотрудничества между субъектами международных правоотношений и на поведение участников рынка.

Важный вывод заключается в том, что применение международных санкций, равно как и использование односторонних ограничительных мер и мер добровольного прекращения сотрудничества способствует переходу от универсального и относительно унифицированного режима защиты прав на объекты интеллектуальной собственности к более фрагментированной правовой системе, зависящей от политико-экономических факторов. Это создаёт новые вызовы для международного правопорядка и требует поиска баланса между национальными интересами и необходимостью сохранения глобального технологического обмена.

В этой связи важнейшим фактором, препятствующим негативному воздействию указанных выше вызовов на экономическую систему России, является продолжение процесса укрепления и развития технологического суверенитета страны.

Список литературы:

1. Постановление от 15 апреля 2023 г. № 603 «Приоритетные направления проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации <http://static.government.ru/media/acts/files/1202304170025.pdf> (дата обращения 18.04.2026).
2. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [принято в Марракеше 15.04.1945] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://new.fips.ru/documents/international-documents/soglasheniya/soglashenie-po-torgovym-aspektam-prav-intellektualnoy-sobstvennosti.php> (дата обращения: 23.04.26).
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021г. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/9htLEYM6sh7mr0riotJdAd7atKKM7w9J.pdf> (дата обращения 17.04.2026).

4. Устав Организации Объединенных Наций: [принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945] // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 7–33.
5. Alizada, F. Protection of know-how in oil and gas technology transfer – Contractual and Regulatory Issues // SSRN. – 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2713730 (дата обращения: 23.04.26).
6. Dreyfuss, R., & Frankel, S. From incentive to commodity to asset // Michigan Journal of International Law. – 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2503135 (дата обращения: 23.04.26).
7. Kokabisaghi, F., et al. Impact of United States political sanctions on international collaborations and research in Iran // BMJ Global Health. – 2019. Volume 4, Issue 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gh.bmj.com/content/4/5/e001692> (дата обращения: 20.04.26).
8. Lo, C. P. Technological sanctions, research capacity, and unintended consequences // International Review of Economics & Finance. – 2025. № 98. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1059056025001054> (дата обращения: 22.04.26).

4.4. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНОИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ПРОИЗВОДСТВОМ И СБЫТОМ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Ле Дык Минь

*майор полиции, канд. юрид. наук,
старший преподаватель
кафедры юриспруденции,
Академия народной полиции,
Казахстан, г. Алматы*

Аннотация. Статья посвящена анализу недостатков регулирования ответственности за производство и сбыт фальсифицированных лекарственных средств (ст. 194 УК СРВ 2015 г.) и формулирует предложения по совершенствованию норм с целью повышения эффективности борьбы с данным видом преступности.

Ключевые слова: фальсифицированная продукция, преступление, лекарственные средства, профилактические лекарственные средства.

Введение

Лекарственные средства являются жизненно важной категорией товаров, обеспечивающих защиту жизни и здоровья человека. Производство и сбыт фальсифицированных лекарств представляют серьёзную угрозу обществу и в последние годы имеют тенденцию к росту, чему способствует развитие технологий и электронной коммерции. В первой половине 2025 года правоохранительными органами выявлен ряд масштабных правонарушений в данной сфере, вызвавших широкий общественный резонанс.

В ответ государством приняты меры нормативного характера, однако одной из ключевых причин сложившейся ситуации остаётся

несовершенство правового регулирования. Ст. 194 УК СРВ предусматривает ответственность за данные деяния, при этом изменения 2025 года коснулись санкций, включая повышение штрафов и отмену смертной казни [1].

Несмотря на это, действующее регулирование по-прежнему содержит недостатки, снижающие эффективность борьбы с производством и сбытом фальсифицированных лекарственных средств.

1. Недостатки и ограничения в регулировании Уголовного кодекса 2015 года относительно преступления, связанного с производством и сбытом фальсифицированных лекарственных средств

Во-первых, отсутствует чёткое разграничение между преступлением и административным правонарушением при производстве и сбыте поддельных лекарственных средств.

В УК СРВ 2015 г. деяния, связанные с производством и сбытом контрафактной продукции, предусмотрены в статьях 192–195, при этом статьи 193, 194 и 195 устанавливают ответственность за поддельные товары как конкретные объекты (продовольствие, продукты питания и пищевые добавки – ст. 193, лекарственные средства – ст. 194, корма для животных, удобрения, ветеринарные препараты, средства защиты растений, семена и племенной материал – ст. 195). Если поддельная продукция не относится к указанным категориям, деяние квалифицируется по статье 192 УК.

Согласно пункту «а» части 1 статьи 192 УК СРВ, одним из условий привлечения к уголовной ответственности является то, что стоимость поддельной продукции эквивалентна стоимости подлинного товара в размере от 30 млн до менее 150 млн донгов либо менее 30 млн донгов, но при этом лицо уже привлекалось к административной ответственности за аналогичные деяния или было осуждено за соответствующие преступления и вновь совершило нарушение. Хотя данная норма носит общий характер, она косвенно допускает возможность административного наказания за производство и сбыт поддельных лекарственных средств.

В настоящее время административная ответственность за такие деяния регулируется статьями 9 и 10 Постановления Правительства № 98/2020/НД-СР от 26 августа 2020 года [2]. Согласно этим нормам, административное наказание применяется в случаях, когда стоимость поддельной продукции составляет менее 30 млн донгов либо незаконно полученная прибыль не превышает 50 млн донгов. Таким образом, данные положения в целом согласуются с частью 1 статьи 192 УК.

Вместе с тем часть 1 статьи 194 УК СРВ устанавливает основной состав преступления: «Лицо, осуществляющее производство или сбыт

поддельных лекарственных средств, наказывается лишением свободы на срок от 2 до 7 лет». Из этого следует, что такие деяния подлежат уголовной ответственности независимо от стоимости поддельной продукции или размера незаконного дохода, без предварительного применения административных мер.

Сопоставление статьи 192 УК СРВ, положений Постановления № 98/2020/НД-СР и статьи 194 УК СРВ свидетельствует об отсутствии единообразия в разграничении преступлений и административных правонарушений в данной сфере. Это противоречие создаёт сложности в правоприменительной практике и затрудняет деятельность компетентных органов при квалификации деяний, связанных с производством и сбытом поддельных лекарственных средств.

Во-вторых, минимальный предел наказания в виде лишения свободы, предусмотренный частью 2 статьи 194 УК СРВ, является необоснованным. В Уголовном кодексе 2015 года минимальный и максимальный сроки лишения свободы в пределах одной статьи, как правило, устанавливаются по принципу последовательности: минимальный предел следующей части соответствует максимальному пределу предыдущей, а максимальный-минимальному пределу последующей. Такой подход обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности с учётом квалифицирующих признаков, непрерывность санкций и исключает их перекрытие.

Анализ составов преступлений, связанных с производством и сбытом контрафактной продукции (статьи 192, 193 и 195 УК СРВ), показывает, что указанное правило в целом соблюдается. Однако в отношении преступления, предусмотренного статьёй 194 УК СРВ, данная логика нарушена. Так, часть 1 устанавливает максимальный срок лишения свободы до 7 лет, следовательно, минимальный предел части 2 должен составлять 7 лет. Между тем фактически в части 2 минимальный срок установлен на уровне 5 лет.

Такое несоответствие приводит к ситуации, при которой деяние, подпадающее под часть 2 (с отягчающими обстоятельствами, такими как совершение организованной группой или в профессиональной форме), может быть наказано в пределах санкции части 1. Это противоречит принципу справедливости и дифференциации ответственности, поскольку часть 2 отражает более высокую степень общественной опасности.

В-третьих, использование чрезвычайных обстоятельств (стихийных бедствий, эпидемий) не закреплено в качестве квалифицирующего признака. Лекарственные средства играют критически важную роль в защите жизни и здоровья населения, особенно в условиях

чрезвычайных ситуаций, таких как стихийные бедствия и эпидемии. Производство и сбыт поддельных лекарств в таких условиях не только наносит непосредственный вред потребителям, но и создаёт угрозу общественному здоровью, подрывает доверие к системе здравоохранения и праву в целом.

Это объективно требует признания использования чрезвычайных обстоятельств какотягчающего признака, усиливающего уголовную ответственность. Однако статья 194 УК СРВ 2015 года не содержит положения, предусматривающего совершение данного преступления в условиях стихийных бедствий или эпидемий в качестве квалифицирующего обстоятельства.

Отсутствие такого регулирования снижает превентивный потенциал уголовного закона и его эффективность в борьбе с преступностью, особенно с учётом того, что на практике имели место случаи использования пандемии COVID-19 для производства и распространения поддельных лекарственных средств.

2. Предложения и рекомендации

Исходя из выявленных недостатков, в целях повышения эффективности применения уголовного законодательства в предупреждении и пресечении производства и сбыта фальсифицированных лекарственных средств предлагается следующее.

Во-первых, необходимо уточнить условия привлечения к уголовной ответственности в части 1 статьи 194 УК СРВ для чёткого разграничения преступления и административного правонарушения.

С учётом положения статьи 8 УК СРВ о том, что деяния с незначительной общественной опасностью не признаются преступлениями, предлагается закрепить критерии «существенной общественной опасности» применительно к данному составу. Эти критерии целесообразно заимствовать из части 1 статьи 192 УК, однако с учётом законодательной техники в качестве признаков состава преступления следует оставить только стоимостные показатели и размер незаконной прибыли.

Предлагаемая редакция части 1 статьи 194 УК СРВ: Лицо, осуществляющее производство или сбыт поддельных лекарственных средств, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 2 до 7 лет, если:

- а) стоимость поддельной продукции эквивалентна стоимости подлинной от 30 млн до менее 150 млн донгов либо менее 30 млн донгов при наличии повторности;
- б) незаконная прибыль составляет от 50 млн до менее 100 млн донгов.

Во-вторых, предлагается повысить минимальный срок лишения свободы, предусмотренный частью 2 статьи 194 УК СРВ.

Для обеспечения логической последовательности санкций между частями 1 и 2 статьи 194 УК СРВ минимальный предел наказания в части 2 должен соответствовать максимальному пределу части 1. В этой связи предлагается установить санкцию части 2 в следующей редакции: *лишение свободы на срок от 7 до 12 лет.*

В-третьих, предлагается дополнить статью 194 УК СРВ квалифицирующим признаком – совершение преступления с использованием обстоятельств стихийных бедствий или эпидемий.

С учётом общественной опасности таких деяний и аналогичного регулирования в других нормах УК СРВ, целесообразно включить признак *«использование условий стихийных бедствий или эпидемий»* в качестве отягчающего обстоятельства в части 3 статьи 194 УК СРВ.

Список литературы:

1. Национальное собрание (2017). Уголовный кодекс 2015 года (с изменениями и дополнениями 2017 года). Ханой.
2. Правительство (2020). Постановление № 98/2020/НД-СР от 26 августа 2020 года о санкциях за административные правонарушения в сфере торговли, производства и оборота контрафактной и запрещённой продукции, а также о защите прав потребителей. Ханой.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИПФЕЙКОВ (СТ. 159, 137, 128.1 УК РФ)

Родыгина Арина Романовна

студент,

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления "НИИХ",
РФ, г. Новосибирск*

Морозов Максим Валерьевич

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления "НИИХ",
РФ, г. Новосибирск*

CRIMES INVOLVING THE USE OF DEEPFAKES (ARTICLES 159, 137, 128.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Rodygina Arina Romanovna

Student,

*Novosibirsk State University of Economics
and Management "NINH",
Russia, Novosibirsk*

Morozov Maxim Valerievich

*Scientific adviser, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Novosibirsk State University of Economics
and Management "NINH",
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. Цель – провести уголовно-правовой анализ мошенничества, нарушения неприкосновенности частной жизни и клеветы применительно к преступлениям, совершаемым с применением технологии глубокого синтеза (дипфейк). Методы – формально-юридический и сравнительно-правовой анализ, контент-анализ судебной практики, системное толкование норм УК РФ. Результат – установлено, что действующие нормы уголовного закона в целом позволяют квалифицировать

дипфейк-преступления, однако выявлены конкуренция составов, затруднения при доказывании умысла и отсутствие специального квалифицирующего признака. Выводы – введение в ст. 159, 137 и 128.1 УК РФ квалифицирующего признака «с использованием технологии дипфейк» признаётся оптимальным законодательным решением, самостоятельная криминализация создания дипфейка как такового нецелесообразна ввиду амбивалентности технологии.

Abstract. Background – the article examines criminal law aspects of deepfake-related offenses under Articles 159, 137 and 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Methods – formal-legal and comparative analysis, content analysis of judicial practice, systemic interpretation of criminal law norms. Result – current criminal law provisions generally cover deepfake-enabled crimes, however, norm competition, intent-proving difficulties and the absence of a specific qualifying feature are identified. Conclusion – introducing a qualifying feature "committed using deepfake technology" into Articles 159, 137 and 128.1 of the Criminal Code is recommended, independent criminalization of deepfake creation per se is inadvisable given the technology's ambivalence.

Ключевые слова: дипфейк, мошенничество, неприкосновенность частной жизни, клевета, искусственный интеллект, квалифицирующий признак, уголовная ответственность.

Keywords: deepfake, fraud, privacy violation, defamation, artificial intelligence, qualifying feature, criminal liability.

Технология глубокого синтеза – дипфейк – за несколько лет прошла путь от узкоспециализированного инструмента кинематографистов до явления, доступного владельцу обычного смартфона. Алгоритмы генеративно-состязательных нейросетей воспроизводят голос и внешность конкретного человека с точностью, при которой профессиональный эксперт без специального программного обеспечения нередко оказывается бессилён. М. А. Ефремова в своем исследовании отмечает, что «за 2023 год в сети появилось втрое больше видеодипфейков, чем годом ранее, тогда как голосовых подделок стало больше сразу в восемь раз» [1]. Цифры не оставляют сомнений: речь идёт не о лабораторной гипотезе, а о нарастающей волне.

Стремительный рост числа инцидентов застал правовую систему врасплох. Российское уголовное законодательство по-прежнему не содержит легального определения дипфейка, хотя Генеральная прокуратура ещё в 2022 году ввела отдельную строку статистического учёта – «с использованием технологии дипфейк» (п. 049 приказа № 746 от

09.12.2022). Судьи и следователи, работая в условиях нормативного вакуума, вынуждены подбирать подходящие составы из числа действующих. Выбор чаще всего падает на три из них – мошенничество (ст. 159 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) и клевету (ст. 128.1 УК РФ). Насколько эти конструкции справляются с задачей – вопрос, требующий развёрнутого ответа.

Настоящая статья ставит целью оценить пригодность перечисленных норм для квалификации дипфейк-преступлений, выявить пробелы в регулировании и сформулировать предложения по их устранению. Объём отечественной судебной практики по теме пока невелик, поэтому анализ строится на сочетании доктринальных позиций, имеющих прецедентов и зарубежного опыта.

Прежде чем перейти к уголовно-правовому анализу, стоит обозначить исходный тезис. Дипфейк как технология – явление амбивалентное. В 2020 году с согласия наследников актёра Леонида Куравлёва его голос и образ были воссозданы для рекламы Сбербанка [1]. Школьный урок географии с синтезированным видеобращением знаменитого путешественника – тоже дипфейк. Ровно поэтому общественная опасность кроется не в технологии как таковой, а в умысле того, кто её использует, и в наступивших последствиях. Отправная точка для любого уголовно-правового суждения – именно она.

Среди всех форм противоправного применения синтетических технологий мошенничество занимает особое место: ущерб здесь материализуется быстро и измеряется в конкретных суммах. В августе 2019 года злоумышленник воспроизвёл голос руководителя головной компании и убедил рядового сотрудника перевести более двухсот тысяч долларов США фиктивному поставщику [2]. В декабре 2023 года концертный директор певца Александра Буйнова провёл двое суток в переписке с мошенником, использовавшим синтезированный образ артиста в Telegram, целью хищения служила сумма в десять тысяч долларов [3]. Оба случая демонстрируют главное свойство дипфейк-мошенничества – обман строится на доверии к конкретному, лично знакомому человеку, а не к анонимному звонящему.

По мнению профессора Л.В. Головки, мошенничество остаётся мошенничеством вне зависимости от технического инструментария обмана – «устное слово, телефонный звонок или сфабрикованное видео одинаково охватываются диспозицией ст. 159 УК РФ» [4]. Более того, доказать факт использования синтетического видео порой проще, чем подтвердить устно произнесённые слова. Аргумент убедителен, и с ним сложно спорить в части теоретической применимости нормы.

Иначе смотрит на проблему М.М. Долгиева, полагающая, что

применение дипфейка влечёт качественное изменение общественной опасности деяния и потому заслуживает самостоятельного отражения в квалифицирующем признаке [5]. Искусно изготовленное синтетическое видео с изображением знакомого человека устраняет ту настороженность, которую вызывает анонимный звонок, – жертва верит не абстрактному голосу, а конкретному лицу, которому доверяет. Степень доверия принципиально иная, а значит, и вероятность причинения крупного ущерба заметно выше. Пройдёт немного времени, и дипфейк-мошенничество вытеснит традиционные телефонные схемы – к этому сдвигу правовая система должна быть готова заранее.

Разграничение с составом ст. 159.6 УК РФ проходит по наличию либо отсутствию вмешательства в компьютерную информацию. Если злоумышленник не только воспроизводит синтетический образ в переписке, но и модифицирует данные в информационных системах – применяется специальная норма. Без такого вмешательства квалификация остаётся в рамках общего состава мошенничества.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении № 248-О от 09.06.2005 раскрыл содержание права на неприкосновенность частной жизни через категорию контроля над информацией о себе: человеку гарантируется возможность препятствовать разглашению сведений личного и интимного характера. Применительно к дипфейку сразу же встаёт практически важный вопрос – охватывает ли ст. 137 УК РФ случаи, когда исходный материал для создания синтетического изображения был получен из открытых источников?

А.К. Жарова предлагает разграничивать две принципиально различные ситуации [6]. Первая – исходные данные получены с нарушением закона: ответственность по ст. 137 наступает безусловно. Вторая – материал общедоступен: создание синтетического произведения само по себе правонарушением не является, если только не будет доказан прямой умысел на распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну. Разграничение логически последовательное, хотя практически вопрос об умысле по-прежнему остаётся труднодоказуемым – особенно когда автор дипфейка действует анонимно через зарубежные платформы.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 трактует «собрание» сведений о частной жизни расширительно: в том числе путём фотосъёмки и видеозаписи. Под это толкование попадает и дипфейк порнографического характера с участием конкретного реального человека, созданный без его согласия, – вне зависимости от источника исходных материалов. Наглядный пример из американской практики: «в 2021 году мать создала поддельные обнажённые изображения

участниц школьной группы поддержки и разослала их потерпевшим и тренеру команды» [7]. В российских реалиях квалификация производилась бы по совокупности ст. 137 и ст. 242 УК РФ – притом вопрос об умысле здесь решается однозначно: целенаправленное создание подобного контента само по себе исключает добросовестное заблуждение.

Практически значимым ориентиром служит Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2023 № 88-14506/2023 по делу № 2-4240/2022. Суд рассматривал спор об увольнении, основанием для которого послужили видеозаписи с нецензурными высказываниями сотрудника. Работник настаивал на монтаже. Кассационная инстанция признала, что отредактированный материал мог не отражать реальных действий, и направила дело на новое рассмотрение. Прецедент пока единичный – но он фиксирует готовность судебной системы воспринимать факт возможной синтетической фальсификации как самостоятельное обстоятельство, влекущее правовые последствия.

Клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство, – органически сопрягается с природой дипфейка: последний по своей сути и есть инструмент конструирования заведомой лжи, облаченной в максимально достоверную форму. Квалифицирующий признак ч. 2 ст. 128.1 УК РФ – использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей – охватывает большинство реальных случаев, поскольку синтетический контент распространяется именно через интернет-платформы.

Апелляционное постановление Юрьев-Польского районного суда Владимирской области от 22.08.2023 по делу № 10-4/2023 зафиксировало, что суды признают квалификацию по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ корректной при распространении дезинформации с применением технологии синтеза изображений. Заведомость при использовании дипфейка устанавливается без труда: целенаправленное создание синтетического контента исключает добросовестное заблуждение по определению – виновный знает, что производит фальсификат, поскольку сам его изготавливает.

Отдельного внимания заслуживает сатирический дипфейк. Технология активно применяется в жанре политической пародии – и здесь конституционное право на свободу выражения мнения вступает в прямое столкновение с уголовной нормой. Выходом служит обязательная маркировка синтетического контента: автор, пометивший материал как дипфейк при действии в общественном интересе, должен исключаться из сферы уголовной ответственности. Именно эта логика заложена в китайском постановлении Администрации киберпространства от декабря 2022 года и прорабатывается в российском законопроекте,

анонсированном председателем Комитета Государственной думы по информационной политике А. Хинштейном в конце 2023 года [6].

Анализ трёх составов обнажает несколько сквозных проблем, требующих законодательного решения.

Прежде всего – конкуренция норм. Распространение синтетического порнографического изображения с реальным человеком формально охватывается ст. 137, ст. 242 и ст. 128.1 УК РФ одновременно. Правила квалификации при идеальной совокупности применимы, однако единой методологии на уровне разъяснений Пленума не выработано, что порождает разноту в практике.

Следующая проблема – доказывание умысла. В дипфейк-преступлениях умысел охватывает два звена: создание синтетического материала и его использование в противоправных целях. Когда эти звенья разделены между разными лицами – один изготавливает, другой применяет, – возникают вопросы о соучастии, прямого ответа на которые действующий закон применительно к технологическим инструментам не содержит.

Р.И. Дремлюга предлагал ввести самостоятельный состав – ст. 274.3 УК РФ, криминализирующую создание реалистичных поддельных аудиовизуальных материалов [8]. Против этой идеи выдвигается принципиальный довод: технология сама по себе не несёт общественной опасности. Запрет на создание дипфейка без учёта цели неизбежно поглощает правомерные сферы применения – кино, образование, рекламу с согласия изображаемых лиц. Криминализировать инструмент вместо умысла – ошибочный путь.

Более взвешенным представляется решение, поддерживаемое Е.А. Русскевичем, М.А. Ефремовой и М.М. Долгиевой: ввести в ст. 159, 128.1 и 137 УК РФ квалифицирующий признак «с использованием технологии дипфейк» [1, 5]. В составах, уже содержащих признак использования информационно-телекоммуникационных сетей, применение дипфейка целесообразно выделить как особо квалифицирующее обстоятельство. Принципиальное отличие от «обычного» интернет-мошенничества или интернет-клеветы – в качественно иной степени доверия жертвы к синтетическому контенту, а значит, в иной степени общественной опасности.

Одновременно Пленуму Верховного Суда РФ целесообразно дополнить постановление от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснением следующего содержания: воспроизведение голоса или изображения другого лица с помощью технологий искусственного интеллекта признаётся разновидностью обмана в смысле ст. 159 УК РФ. Это позволит

устранить нормативную неопределённость без ожидания законодательных изменений – быстро и в рамках действующей системы.

Технология глубокого синтеза не порождает принципиально новых мотивов преступного поведения. Корысть, месть и желание уничтожить чужую репутацию существуют столько же, сколько само уголовное право. Дипфейк лишь радикально повышает эффективность реализации этих умыслов, стирая границу между достоверным и сфабрикованным. Действующие нормы ст. 159, 137 и 128.1 УК РФ охватывают подавляющее большинство дипфейк-преступлений – но не отражают специфики технологии ни в части общественной опасности, ни в части объективной стороны.

Введение квалифицирующего признака «с использованием технологии дипфейк» в указанные статьи, дополнение разъяснений Пленума о порядке квалификации и доказывания умысла, выстраивание режима обязательной маркировки синтетического контента – взятые в совокупности, эти меры способны сформировать адекватный правовой ответ. По отдельности ни одна из них проблемы не решает. Правоприменитель нуждается в полноценном инструментарии уже сейчас.

Список литературы:

3. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97–105.
4. Stupp C. Fraudsters Used AI to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case // The Wall Street Journal. 30.08.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Мошенник под видом Буйнова пытался выманить деньги у директора артиста // Lenta.ru. 18.12.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/12/18/buynov-moshennik/> (дата обращения: 05.05.2026).
6. Мошенничество с использованием дипфейков доказать проще, чем обычный обман // РАПСИ. 20.11.2023. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231120/309397389.html (дата обращения: 05.05.2026).
7. Долгиева М.М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11. С. 106–113.
8. Жарова А.К. Технологии дипфейк: социально-правовые риски нарушения частной жизни лица и правовые решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2 (45). С. 63–69.

9. BBC. Woman used deepfakes to harass cheerleaders // BBC News. 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-56404038> (дата обращения: 05.05.2026).
10. Дремлюга Р.И. Уголовно-правовые проблемы противодействия дипфейку // Уголовное право. 2023. № 3. С. 274–280.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Сигида Ксения Сергеевна

*студент,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Зобнина Юлия Сергеевна

*студент,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Убушиева Арина Олеговна

*студент,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого,
РФ, г. Санкт-Петербург*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A POTENTIAL SUBJECT OF CRIME: CRIMINAL LAW AND PROCEDURAL ASPECTS

Sigida Ksenia Sergeevna

*Student,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russia, Saint Petersburg*

Zobnina Yulia Sergeevna

*Student,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russia, Saint Petersburg*

Ubushieva Arina Olegovna

*Student,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russia, Saint Petersburg*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности признания систем искусственного интеллекта субъектом уголовно-правовых отношений. Анализируется действующая доктрина субъекта преступления в российском уголовном праве, исследуются теоретические подходы к определению правосубъектности ИИ, предложенные в зарубежной и отечественной науке. Делается вывод о том, что действующие уголовно-правовые конструкции нуждаются в адаптации к условиям цифровой среды, однако полноценное признание ИИ субъектом преступления в настоящее время представляется нецелесообразным.

Abstract. The article examines the question of whether artificial intelligence systems can be recognized as subjects of criminal law relations. The current doctrine of the subject of crime in Russian criminal law is analyzed, and theoretical approaches to defining the legal personality of AI, proposed in foreign and domestic scholarship, are investigated. It is concluded that the existing criminal law constructs require adaptation to the conditions of the digital environment, however, full recognition of AI as a subject of crime is currently inadvisable.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъект преступления, уголовная ответственность, автономные системы, правосубъектность, цифровое право, уголовный процесс, доказательства.

Keywords: artificial intelligence, subject of crime, criminal liability, autonomous systems, legal personality, digital law, criminal procedure, evidence.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) обусловило появление принципиально новых правовых вопросов, выходящих за рамки традиционной доктрины. Автономные транспортные средства, алгоритмы принятия медицинских решений, боевые робототехнические комплексы и финансовые торговые системы уже сегодня способны совершать действия, причиняющие реальный вред охраняемым законом интересам, – и делают это без непосредственного участия человека в конкретном моменте принятия решения.

Российское уголовное право исторически строится на концепции личной виновной ответственности физического лица. В этом контексте попытка «вписать» ИИ в существующую систему субъектов преступления неизбежно порождает теоретические противоречия.

Согласно ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом. Данная норма закрепляет три обязательных признака субъекта преступления: физическую природу лица, достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость [7].

Категория вменяемости в теории уголовного права традиционно понимается как способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Именно эта способность служит основанием для правового порицания и, следовательно, для вины как центрального элемента состава преступления. Без вины – в форме умысла или неосторожности – уголовная ответственность в российской правовой системе невозможна (ст. 5 УК РФ).

Юридические лица в России субъектами преступления не признаются, хотя дискуссия о введении корпоративной уголовной ответственности ведется. Данный факт показателен: отечественный законодатель демонстрирует устойчивую приверженность персоналистической модели уголовной ответственности, которая еще более осложняет постановку вопроса о субъектности ИИ.

Таким образом, с позиций действующего законодательства ответ на вопрос, может ли ИИ быть субъектом преступления, является

однозначно отрицательным. Проблема, однако, не снимается: она лишь смещается в плоскость распределения ответственности между людьми, причастными к созданию, распространению и использованию автономных систем [6].

В зарубежной и отечественной литературе сложилось несколько подходов к вопросу о правовом статусе ИИ. Условно их можно разделить на три группы.

Первый подход – инструментальный – рассматривает ИИ исключительно как сложный технический инструмент в руках человека, не обладающий самостоятельным правовым значением. В рамках данной концепции причинение вреда системой ИИ квалифицируется по аналогии с причинением вреда посредством использования механических устройств: ответственность несет тот, кто создал, запустил или использовал инструмент. Эта позиция наиболее полно согласуется с действующим законодательством, однако теряет убедительность применительно к подлинно автономным системам, чье поведение разработчик не мог ни предвидеть, ни предотвратить [4].

Второй подход – квазисубъектный – предполагает надделение отдельных категорий ИИ ограниченной правосубъектностью по аналогии с юридическими лицами. Предлагается конструкция «электронного лица» (electronic person), способного нести самостоятельную, хотя и специфическую, правовую ответственность. Европейский парламент в резолюции 2017 года упоминал о возможности создания специального правового статуса для роботов, однако впоследствии от этой идеи фактически отступил [1].

Третий подход – деликтный – не претендует на присвоение ИИ субъектности, но концентрируется на перераспределении ответственности среди людей через институт объективной ответственности (strict liability) [3]. Применительно к уголовному праву это означает установление специальных составов с неосторожной формой вины или даже без требования о доказывании субъективной стороны в традиционном смысле, что, впрочем, вступает в коллизию с принципом вины (ст. 5 УК РФ).

Каждый из подходов имеет как теоретические достоинства, так и практические ограничения. Вместе с тем именно их синтез, по всей видимости, способен дать наиболее жизнеспособные решения для законодательной политики.

Центральный вопрос практики – кто должен нести уголовную ответственность, если система ИИ совершила действие, образующее признаки преступления? Теоретически в качестве кандидатов

рассматриваются разработчик (производитель), оператор (пользователь) и сама система.

Ответственность разработчика наиболее очевидна в случаях, когда вред стал следствием заведомо дефектного алгоритма или умышленного программирования системы на противоправное поведение. Здесь возможна квалификация по статьям о причинении вреда по неосторожности либо о более тяжких составах при наличии умысла. Главная сложность состоит в доказывании: необходимо установить, что разработчик мог и должен был предвидеть конкретный вредоносный результат, что крайне затруднительно в условиях сложных нейросетевых архитектур, чье поведение не поддается полному прогнозированию даже создателями.

Ответственность оператора (пользователя) возникает прежде всего тогда, когда система использовалась ненадлежащим образом, вопреки установленным правилам или при наличии осведомленности об имеющихся рисках. Данная ситуация в наибольшей мере соответствует традиционным уголовно-правовым конструкциям: оператор выступает своеобразным «опосредствующим звеном» между разработчиком и жертвой. Проблема, однако, в том, что при достаточном уровне автономии системы возможности оператора по контролю над ее действиями могут быть существенно ограничены.

Отдельную сложность представляет феномен «проблемы многих рук» (*problem of many hands*), описанный в зарубежной литературе применительно к цифровым технологиям: при распределенной разработке, многоуровневой цепочке поставок компонентов и сложной системе лицензирования установить конкретного виновного становится крайне затруднительно. Это создает реальный риск безнаказанности, который не устраняется лишь теоретическим указанием на то, что «кто-то все равно несет ответственность» [5].

Причинно-следственная связь – еще один проблемный аспект. Уголовно-правовая теория требует установления необходимой причинной связи между действием (бездействием) виновного и наступившим вредом. Когда между решением человека и причиненным ущербом располагается цепочка автономных решений системы ИИ, прямолинейная причинность разрывается. Ни теория эквивалентности (*conditio sine qua non*), ни теория адекватной причинности не дают в этих случаях однозначного ответа. Требуется либо выработка специальных критериев, либо переосмысление самого понятия причинной связи применительно к ИИ-системам.

Вина в российском уголовном праве представляет собой психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям.

Применительно к ИИ принципиально важно, что сама система психическим отношением к своим действиям не обладает: ее «решения» являются результатом математических вычислений, а не сознательной волевой деятельности.

Для субъектов – людей, взаимодействующих с ИИ, вина может выражаться прежде всего в форме неосторожности. Речь идет о небрежности – когда лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при должной внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть (ст. 26 УК РФ). Именно этот критерий наиболее применим к разработчикам и операторам ИИ: от профессионала в данной области справедливо ожидать повышенного стандарта осмотрительности при разработке и внедрении систем с высоким риском причинения вреда.

Умышленная форма вины применительно к ИИ также допустима, и прежде всего в двух вариантах: намеренное программирование системы на совершение противоправных действий (фактически – использование ИИ как орудия преступления), осознанное уклонение от принятия мер по предотвращению известного риска при понимании неизбежности либо высокой вероятности вредоносного результата.

Особую проблему представляют «непредвиденные возможности» (emergent capabilities) систем машинного обучения – поведение, которое возникает в ходе обучения и не закладывалось разработчиком намеренно. В этих ситуациях традиционная модель вины испытывает наибольшее давление: разработчик не предвидел конкретного результата, оператор не имел возможности его предотвратить, а сам ИИ виновным в правовом смысле признан быть не может.

Помимо материально-правовых, развитие ИИ порождает ряд существенных процессуальных проблем. Они касаются как использования ИИ в качестве источника доказательств, так и применения алгоритмических систем непосредственно в судопроизводстве.

Доказательства, сформированные или собранные с использованием ИИ, становятся все более распространенными: системы распознавания лиц, алгоритмы анализа цифровых следов, автоматизированные системы мониторинга. Российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальных норм о таких доказательствах, что порождает неопределенность в вопросах их допустимости.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о процессуальном статусе ИИ как «участника» судопроизводства. В ряде зарубежных юрисдикций обсуждается возможность допроса систем ИИ в качестве «технических свидетелей» или использования объяснений алгоритма в качестве заключения эксперта [2]. В российском законодательстве

подобные формы не закреплены, а значит, соответствующие данные могут фигурировать в деле лишь в качестве вещественных доказательств или иных документов, что не всегда отражает их фактическую природу.

Существенна также проблема экспертизы в делах, связанных с ИИ. Проведение судебно-технической экспертизы алгоритмических систем требует высочайшей квалификации.

Международный опыт в данной сфере пока весьма неоднороден. В Европейском союзе принят Акт об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act, 2024), вводящий систему классификации ИИ по уровню риска и устанавливающий требования к высокорисковым системам, однако вопросы уголовной ответственности в нем прямо не урегулированы [11]. США не имеют единого федерального законодательства об ИИ, и соответствующие дела разрешаются преимущественно на основе существующих норм деликтного права с адаптацией к конкретным обстоятельствам [9]. Китай активно развивает регулирование ИИ через подзаконные акты, акцентируя ответственность провайдеров сервисов [8].

Показательна судебная практика по делам, связанным с автономными транспортными средствами. В большинстве случаев суды привлекают к ответственности производителя или оператора, не ставя вопрос о самостоятельной «вине» системы. Одним из примеров является дело *Uber Technologies, Inc. v. Estate of Herzberg* (США, штат Аризона, 2018–2023), в котором беспилотный автомобиль Uber (Volvo XC90) в автономном режиме сбил насмерть пешехода. Система не была запрограммирована на работу с нарушителями правил перехода, а аварийное торможение было намеренно отключено – несмотря на то что система зафиксировала пешехода за 5,6 секунды до столкновения. Прокуратура штата Аризона установила, что Uber как корпорация уголовной ответственности не несет. Все уголовное преследование было направлено исключительно против оператора-человека. Это подтверждает доминирование инструментального подхода на практике, даже там, где теоретическая дискуссия значительно продвинулась [10].

Для российского права наиболее перспективным представляется поэтапный путь: введение специальных норм об ответственности разработчиков и операторов высокорисковых систем ИИ, выработка стандартов должной осмотрительности в данной сфере, а также процессуальное регулирование работы с ИИ-доказательствами. Конструктивным шагом могло бы стать введение в УК РФ специальных квалифицирующих признаков для преступлений, совершенных с использованием автономных систем, что позволило бы учесть повышенную общественную опасность таких деяний.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, действующая конструкция субъекта преступления в российском уголовном праве исключает возможность признания ИИ таковым как с формально-юридической, так и с теоретической точек зрения: системы ИИ не обладают ни вменяемостью, ни волей, ни виной в том смысле, который вкладывает в эти понятия уголовно-правовая доктрина. Однако, это не означает, что проблема ответственности за вред, причиненный автономными системами, является неразрешимой в рамках действующего права. Ответственность разработчиков и операторов может устанавливаться на основе норм о неосторожном причинении вреда при условии разработки адекватных критериев должной осмотрительности.

Во-вторых, наиболее острые проблемы возникают применительно к подлинно автономным системам с непредсказуемым поведением – именно здесь действующие инструменты оказываются недостаточными. Имеется необходимость законодательно рассмотреть возможность специального регулирования, в том числе введения режима строгой ответственности для операторов высокорисковых ИИ-систем.

В-третьих, процессуальная сфера требует отдельного внимания: необходимы четкие правила допустимости доказательств, формируемых с участием ИИ, а также стандарты экспертного исследования алгоритмических систем.

Наконец, в-четвертых, вопрос о наделении ИИ самостоятельной правосубъектностью в обозримой перспективе остается исключительно теоретическим. Его практическое решение станет возможным лишь тогда, когда будет достигнут консенсус относительно природы интеллекта, сознания и моральной ответственности применительно к искусственным системам – а это задача не только и не столько юридическая, сколько философская и технологическая.

Список литературы:

1. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. – М. : Проспект, 2021. – 192 с.
2. Галкина Н. М., Кузнецова Д. В., Воробьев М. А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2023. – № 3 (54). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-sisteme> (дата обращения: 11.05.2026).
3. Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования // Ex iure. – 2025. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deliktnye-obyazatelstva>

- iz-deystviy-iskusstvennogo-intellekta-problemy-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 11.05.2026).
4. Кирилова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – № 4 (271). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravosubektnosti-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.05.2026).
 5. Скуратова А. Ю., Королькова Е. Е. Проблема определения субъекта международной уголовной ответственности за преступления, совершённые с помощью смертоносных автономных систем вооружения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2026. – № 1 (71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-subekta-mezhdunarodnoy-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-prestupleniya-sovershennye-s-pomoschyu-smertonosnyh> (дата обращения: 11.05.2026).
 6. Соломонов Е. В. Юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2025. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 11.05.2026).
 7. Трапаидзе К. З. Возраст виновного – условие или основание уголовной ответственности? // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7 (128). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozzrast-vinovnogo-uslovie-ili-osnovanie-ugolovnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 11.05.2026).
 8. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-opyt-kitaya> (дата обращения: 11.05.2026).
 9. Чунькова Н. А. Правовой статус искусственного интеллекта: от электронного лица до деликтоспособности // Молодой учёный. – 2026. – № 19 (622). – URL: <https://moluch.ru/archive/622/136208> (дата обращения: 11.05.2026).
 10. National Transportation Safety Board. Collision Between Vehicle Controlled by Developmental Automated Driving System and Pedestrian, Tempe, Arizona, March 18, 2018 : NTSB/HAR-19/03. – Washington, D.C. : NTSB, 2019. – URL: <https://www.nts.gov/investigations/AccidentReports/Reports/HAR1903.pdf> (accessed: 11.05.2026).
 11. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). – URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed: 11.05.2026).

СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

THESIS ON JURISDICTIONAL AND PROCEDURAL CHALLENGES IN INVESTOR-STATE DISPUTE SETTLEMENT

Dildorabegim Kholikova Nodirbekovna

Master's Student,

*Faculty of International Commercial Law Tashkent State Law University,
Uzbekistan, Tashkent*

Abstract. This thesis advances a single claim: the legitimacy crisis of investor-State dispute settlement is rooted not only in substantive standards such as fair and equitable treatment, but in the system's compressed conception of consent. Contemporary ISDS treats a complex jurisdictional sequence State offer, investor acceptance, tribunal construction, and limited review as though it were equivalent to a single bilateral agreement. That compression obscures how sovereignty is front-loaded into treaty design, how procedural discretion reallocates the meaning of consent during arbitration, and why reform debates now focus on jurisdiction, appointment, review, and balance rather than only on merits standards. Methodologically, the thesis combines doctrinal analysis of primary legal materials most importantly the ICSID Convention, major awards, and UNCITRAL reform documents with a comparative reading of the leading scholarly schools: formalist, functionalist, critical, and reformist. Its central conclusion is that ISDS should be reconceived as a regime of layered public authorization. On that view, the core task of reform is not to abolish consent as a foundation, but to discipline it through clearer drafting, anti-abuse rules, reciprocal procedure, and stronger legitimacy safeguards. [1]

INTRODUCTION

The thesis begins from a simple observation: every major jurisdictional controversy in ISDS is, at bottom, a controversy about consent. Article 25 of the ICSID Convention requires written consent and forbids unilateral

withdrawal once consent is perfected. Yet that seemingly simple rule has generated disputes over treaty versus contract claims, nationality and corporate control, MFN-based access to arbitration, local-remedies clauses, collective proceedings, counterclaims, provisional measures, and post-award review. The problem is not that the legal system ignores consent. The problem is that the system invokes consent at a level of abstraction too high to explain how it actually works in practice. [1]

The thesis uses a doctrinal and critical-comparative method. Doctrinally, it analyzes the texts that most directly constitute consent investment treaties, Article 25 of the ICSID Convention, Article 46 on ancillary claims, Article 47 on provisional measures, and Article 52 on annulment as well as leading awards. Critically, it compares those texts and awards against the major scholarly narratives of the field: the view that arbitration without privity is a justified extension of sovereign will; the view that treaty arbitration is a developing branch of public international law; the view that the regime suffers from foreign-investor privilege and jurisdiction beyond authentic consent; and the view that legitimacy can be repaired through institutional reform rather than abandonment. [2]

The thesis is organized into three chapters. The first reconstructs consent as a jurisdictional design that reallocates sovereignty. The second shows how procedural controversies repeatedly destabilize that design. The third examines legitimacy and reform, arguing that consent should be treated as a sequenced public-law structure rather than as a once-and-for-all private agreement.

CONSENT AS JURISDICTIONAL DESIGN

The first chapter argues that sovereignty in ISDS is not eliminated; it is front-loaded. Official UNCTAD materials stress that mere participation in the ICSID Convention creates no obligation to arbitrate and that States remain free to decide whether, and to what extent, they will consent. They may do so through contracts, legislation, or treaties. That point is doctrinally crucial. It means the system is not anti-consensual at its inception. States design the offer. The difficulty is that, once they do so, they lose meaningful control over who accepts it, when it is accepted, and how its procedural scope is later interpreted. Sovereignty is therefore exercised primarily at the drafting stage, not at the dispute stage. [16]

The difference between contract-based and treaty-based consent illustrates this front-loading. Contract arbitration resembles ordinary privity: the parties negotiate the arbitral clause in relation to a concrete investment relationship. Treaty arbitration does not. Vivendi's annulment committee famously insisted that treaty claims are analytically distinct from contract

claims, and Salini reinforced the idea that treaty jurisdiction does not simply absorb every contractual grievance. Yet the same jurisprudence also shows that once treaty consent exists, it can survive contractual forum choices and reach facts that are deeply embedded in contractual performance. The first chapter's conclusion is that treaty consent is best understood as a sovereign regulatory decision to internationalize certain categories of disputes, not as a simple replication of commercial arbitration by other means. [14]

Standing doctrine then exposes how the identity of the consenting investor has become a second-order sovereignty issue. Tokios Tokelès [11] and Aguas del Tunari [4] privileged formal nationality and treaty drafting over economic nationality, effectively allowing protected status even where the investor's ownership structure diluted or complicated the intuition of true foreignness. TSA Spectrum [12] moved back toward economic reality and denied jurisdiction by piercing the corporate veil. CMS [6] and Sempra [10] further broadened access by confirming standing for minority or indirect shareholding interests. These cases reveal that consent in ISDS is not just about a State's decision to arbitrate with foreign investors; it is also about who counts as foreign enough to invoke that decision. The boundary between sovereignty and standing is, in practice, porous.

Attribution sharpens the same theme from the respondent side. In Maffezini, the tribunal was willing to treat the state-linked entity SODIGA as a prima facie State actor for jurisdictional purposes, while leaving questions of imputability for the merits. The lesson is that the State may not be able to compartmentalize sovereign consent by devolving investment relations to formally separate bodies. If a treaty authorizes claims against the State, then questions of attribution operate as a bridge between jurisdictional consent and substantive responsibility. The State's autonomy in designing the offer thus coexists with a broad international-law apparatus that may attribute acts of public bodies, agencies, or state-linked entities back to it. [15]

The first chapter therefore concludes that consent in ISDS is already multilayered before procedure begins. It contains a sovereign drafting choice, a standing filter, and an attribution framework. This is why the thesis rejects the familiar claim that ISDS is either purely consensual or obviously coercive. It is neither. It is a hybrid system in which the State voluntarily internationalizes disputes, but then cedes significant control over the identification of claimants and the characterization of public acts. [17]

PROCEDURAL BREAKDOWN OF CONSENT

The second chapter argues that procedure is where the system's compressed conception of consent breaks down most visibly. MFN disputes are the clearest example. Maffezini and Siemens treated MFN language as

capable of extending more favorable access to arbitration, including by bypassing waiting periods or local-courts requirements. Plama, Wintershall and Daimler rejected that approach and insisted on clear and unambiguous consent to arbitrate. The chapter reads this split not as a technical disagreement over one doctrine, but as a disagreement about the nature of sovereignty itself. On the expansive view, sovereignty lies in the State's treaty network as a whole. On the restrictive view, sovereignty lies in the precise text of the basic treaty alone.

The same instability appears in local-remedies and pre-arbitration conditions. BG Group, in the context of annulment and enforcement review before the U.S. Supreme Court, treated the local-litigation clause as a matter for arbitrators to interpret in the first instance rather than as a pure gateway question for domestic courts. Metalpar, RosInvestCo and Sempra belong to the same larger conversation about whether preconditions to arbitration are true jurisdictional limits, merely procedural filters, or default rules capable of being displaced by treaty interpretation. Once again, consent does not disappear, but its legal effect becomes contingent on the institutional vantage point from which it is analyzed. [18]

Treaty shopping and post hoc restructuring bring the temporal dimension of consent into focus. Phoenix Action, [9] Pac Rim [7] and Philip Morris [8] confirm that even formally valid treaty nationality may fail when it is created to internationalize a dispute that is already existing or highly foreseeable. Pac Rim's formulation that abuse becomes relevant when a party can foresee a specific future dispute as a very high probability captures the right intuition: the legal problem is not foreign structuring as such, but manipulative sequencing. The second chapter therefore develops a "critical date" approach. Consent should be denied or discounted where the protected status of the claimant is created only after the relevant dispute has matured into a concrete legal controversy.

Mass procedure raises a different version of the same concern. Abacat's majority held that Argentina's treaty consent could extend to mass claims by large numbers of bondholders, while the dissent argued that this effectively altered the procedural architecture of the ICSID framework without party agreement. The significance of the case is not confined to sovereign debt. It shows that even where claimant identity is individually protected, the collective aggregation of claims may transform the kind of proceeding to which the State can fairly be said to have consented. In this part of the chapter, consent is analyzed not merely as access to a tribunal, but as consent to a certain procedural form. [3]

Counterclaims reveal the problem of reciprocity. ICSID's own materials underline that ancillary claims and counterclaims must lie within the scope

of the parties' consent. But the cases are divided. Roussalis treated the investor's acceptance as too asymmetrical to support the State's counterclaim. Saluka took a relatively open view of counterclaim jurisdiction while emphasizing the need for a sufficient connection. Urbaser accepted jurisdiction over Argentina's counterclaim because the arbitration clause was broad and the dispute legally connected, [13] and Burlington demonstrated that counterclaims can produce concrete liability for investors when the procedural basis is secure. [5] The chapter's argument is that one-way consent is a central source of the system's legitimacy deficit, because it lets the investor activate international jurisdiction while often denying the State an equally robust route to investor accountability.

Provisional measures and review mechanisms expose the final procedural layer. ICSID's official guidance makes clear that tribunals may recommend provisional measures to preserve rights, and real disputes have extended that power into contested terrain such as security for costs. Yet the stronger doctrinal point lies on the back end: annulment under Article 52 is expressly limited and is not an appeal. ICSID's own background paper repeats that proposition, while current reform discussions in UNCITRAL contemplate standing mechanisms or appellate structures that may recalibrate, and in some proposals partly displace, the existing review model. The chapter concludes that procedure in ISDS is no longer a neutral envelope. It is the principal site at which consent is stretched, disciplined, or institutionally repaired. [1]

LEGITIMACY AND REFORM

The third chapter turns from doctrine to theory and institutional design. Its starting point is the observation, now reflected in UNCITRAL Working Group III, that the legitimacy debate is not reducible to ideology. States have identified recurring concerns about inconsistency, coherence and correctness of decisions, independence and impartiality of decision-makers, and cost and duration. Those concerns are not external to consent; they are symptoms of what happens when a regime built on thin *ex ante* authorization is asked to perform functions closer to public-law adjudication. In other words, the system's legitimacy crisis is a consent problem in institutional form.

The third chapter then maps the main scholarly schools. Formalists, associated with scholars such as Christoph Schreuer [22] and Zachary Douglas [17], emphasize explicit written consent, the decisive role of text, and the need to avoid jurisdictional inflation. Functionalists and system-builders, associated with figures such as Stephan Schill [21], Martins Paparinskis [19] and Anthea Roberts [20], defend treaty arbitration as a coherent extension of public international law, even if they disagree on detail. Critical and TWAIL-

oriented scholars such as M. Sornarajah [23] and Gus Van Harten [24] argue that the regime suffers from foreign privilege, jurisdiction beyond real consent, and structural distortions borrowed from private arbitration. Reformists, finally, focus not on conceptual rejection but on institutional redesign: appointments, codes of conduct, advisory support, appellate review, and investor accountability.

The thesis sides with none of these camps in full. It accepts the formalist point that consent cannot be created by mere policy preference. It accepts the functionalist point that modern investment arbitration cannot be understood solely through analogies to private contracts. It accepts the critical point that the system distributes power asymmetrically and often privileges foreign investors in ways domestic actors cannot replicate. And it accepts the reformist point that legitimacy can be improved through institutional design. Its own contribution is to synthesize these insights through a sequenced-consent model. On this model, what matters is not the presence of a single jurisdictional moment, but the integrity of the entire route from *ex ante* State offer to *ex post* award review.

That model yields specific reform implications. Treaties should state expressly whether MFN clauses reach dispute settlement, whether umbrella clauses convert contractual obligations into treaty obligations, and whether local-remedies requirements are jurisdictional or procedural. Ownership transparency and denial-of-benefits clauses should be aligned with anti-abuse standards to reduce opportunistic restructuring. Counterclaims should be addressed expressly, rather than left to strained inference from investor-centered consent language. Review structures should remain limited, but they should be calibrated more closely to jurisdictional distortion, particularly where tribunals transform the procedural form or scope of proceedings. None of these proposals requires abandoning consent. All of them require taking consent more seriously.

CONCLUSION

The thesis concludes that the central challenge of ISDS is not that consent is absent, but that consent is over-compressed. The legal system presents a multilayered structure as if it were a single bilateral agreement, and the resulting mismatch fuels disputes over sovereignty, procedure and legitimacy. Reframing ISDS as layered public authorization does not solve every problem. It does, however, clarify why jurisprudence on MFN clauses, treaty shopping, counterclaims, collective procedures and review has become so unstable: each controversy is an effort to reconstruct the limits of a consent that the system has rendered too abstract. The most promising path forward is therefore a jurisprudence and treaty practice that make those limits explicit.

References:

1. Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (opened for signature 18 March 1965, entered into force 14 October 1966) 575 UNTS 159 (ICSID Convention).
2. United Nations Conference on Trade and Development, Course on Dispute Settlement: International Trade, Investment and Intellectual Property – Module 3.2: Investment Dispute Settlement (UNCTAD/EDM/Misc.232/Add.2, 2003).
3. *Abaclat and Others v. Argentine Republic* (Decision on Jurisdiction and Admissibility, 4 August 2011) ICSID Case No. ARB/07/5.
4. *Aguas del Tunari SA v. Republic of Bolivia* (Decision on Jurisdiction, 21 October 2005) ICSID Case No. ARB/02/3.
5. *Burlington Resources Inc v. Republic of Ecuador* (Decision on Counterclaims, 7 February 2017) ICSID Case No. ARB/08/5.
6. *CMS Gas Transmission Company v. Argentine Republic* (Annulment Decision, 25 September 2007) ICSID Case No. ARB/01/8.
7. *Pac Rim Cayman LLC v. Republic of El Salvador* (Decision on Jurisdiction, 1 June 2012) ICSID Case No. ARB/09/12.
8. *Philip Morris Asia Ltd v. Commonwealth of Australia* (Award on Jurisdiction and Admissibility, 17 December 2015) PCA Case No. 2012-12.
9. *Phoenix Action Ltd v. Czech Republic* (Award, 15 April 2009) ICSID Case No. ARB/06/5.
10. *Sempra Energy International v. Argentine Republic* (Annulment Decision, 29 June 2010) ICSID Case No. ARB/02/16.
11. *Tokios Tokelès v. Ukraine* (Decision on Jurisdiction, 29 April 2004) ICSID Case No. ARB/02/18.
12. *TSA Spectrum de Argentina SA v. Argentine Republic* (Decision on Jurisdiction, 8 April 2008) ICSID Case No. ARB/05/5.
13. *Urbaser SA and Consorcio de Aguas Bilbao Bizkaia v. Argentine Republic* (Award, 8 December 2016) ICSID Case No. ARB/07/26.
14. José E Alvarez, ‘Is Investor-State Arbitration “Public”?’ (Institute for International Law and Justice Working Paper 2016/6, Global Administrative Law Series, 4 August 2016).
15. Peter Bekker, ‘State Responsibility for Acts of SOEs’ (Berne Union, 18 September 2023).
16. Columbia Center on Sustainable Investment, *Primer on International Investment Treaties and Investor-State Dispute Settlement* (Columbia University 2011).
17. Zachary Douglas, ‘The Hybrid Foundations of Investment Treaty Arbitration’ (2004) 74 *British Yearbook of International Law* 151.
18. Roger Michalski, ‘Personal Jurisdiction’s Aberrant Theory of Consent’ (2014) 113 *Michigan Law Review* 169.

19. Martins Paparinskis, *The International Minimum Standard and Fair and Equitable Treatment* (Oxford University Press 2013).
20. Anthea Roberts, *Is International Law International?* (Oxford University Press 2017).
21. Stephan W Schill, *The Multilateralization of International Investment Law* (Cambridge University Press 2009).
22. Christoph H Schreuer, *The ICSID Convention: A Commentary* (2nd edn, Cambridge University Press 2009).
23. M Sornarajah, *The International Law on Foreign Investment* (4th edn, Cambridge University Press 2017).
24. Gus Van Harten, *Investment Treaty Arbitration and Public Law* (Oxford University Press 2007).

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам СХII международной
научно-практической конференции*

№ 5 (112)
Май 2026 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 11.05.26. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru